

СИНГУЛЯРНОСТЬ

Эдгар Грант

18+

Эдгар Грант
СИНГУЛЯРНОСТЬ

«Автор»

2017

Грант Э.

СИНГУЛЯРНОСТЬ / Э. Грант — «Автор», 2017

Насколько далеко может зайти человек в попытке обрести новые знания? Что таится за гранью известного? Может, совсем не то, что он ожидает найти? Существует ли в науке и технологиях рубеж, который нельзя переступать? К чему приведет неумная жажда новых открытий? А если случится так, что всё их величие уже просто некому будет оценить? Потому что они приведут к уничтожению человечества.

© Грант Э., 2017

© Автор, 2017

Содержание

США. Вашингтон	11
Швейцария. Женева	13
США. Вашингтон	16
Швейцария. Пригород Женевы	19
США. Вашингтон	32
Швейцария. Пригород Женевы. Научный Центр ЦЕРН	34
США. Вашингтон	41
Франция. Поместье полковника Ривье	47
США. Вашингтон	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эдгар Грант

СИНГУЛЯРНОСТЬ

...Армия орков, словно неуправляемый смрадный поток, медленно вытекала из ущелья Белой крепости в залитую утренним солнцем долину. Эльфийские воины, оборонявшие небольшой аванпост, лежащий в руинах позади, почти неделю сдерживали яростные атаки свирепых орд. Но силы были неравны. Прочные дубовые ворота в конце концов не выдержали и разрушились под ударами мощного гранитного тарана, и немногие оставшиеся в живых защитники были безжалостно перебиты. Теперь путь в долину Трех Рек был открыт, и орков от Улендаля, столицы страны эльфов, отделял только Туманный Лес.

Не спеша, словно осознавая, что война уже выиграна, их войско выстраивалось вдоль стены белого тумана, укрывавшего гигантские деревья, стоящие здесь много сотен лет. Глухой стук тысяч и тысяч ржавых железных доспехов сливался в неутрачиваемый хруст. Воины, сжимаемая широкие, выщербленные в частых битвах мечи, нервно сопели, скалили желтые клыки и бросали на покрытый туманом лес опасливые взгляды.

Легенды орков рассказывали о многих походах на Улендаль, но все они заканчивались в Туманном Лесу. На протяжении веков сотни тысяч бесстрашных воинов пытались пройти через эту древнюю чащу, чтобы захватить золотую столицу эльфов. Но из тумана, наложенного страшным заклятием Высшего эльфа, не вернулся никто.

Сейчас все будет по-другому. На этот раз они победят, ведь у них есть оружие, равное по магической силе эльфийскому. Оно позволит им пройти через лес, а остальное доделают их грубые железные мечи.

По выстроившейся вдоль леса армии орков прошла волна тихого ропота. Их нестройные ряды всколыхнулись, открывая в самом центре неширокий проход для увенчанного тяжелой железной короной вождя, восседавшего на огромном черном волке.

Хакарутах...

Их предводитель, познавший тайны трех магий, побывавший в мире мертвых и впитавший в себя свирепость и силу вождей орков, умерших сотни лет назад.

Хакарутах Ужасный. Хакарутах Безжалостный. Хакарутах Непобедимый.

С тех пор как великий вождь вернулся из мира мертвых, армия орков не знала поражений. И вот теперь перед ними стоял таинственный и пугающий Туманный Лес.

Черный волк размером с быка медленно шел сквозь расступившуюся армию, гордо неся на себе своего грозного хозяина. Глаза его пылали адским огнем, из пасти вырывался дым, а слюна, падая на зеленую траву, тут же превращала ее в пепел. Бесстрашные воины невольно пятились назад, благоговейным шепотом повторяя имя своего вождя.

Наконец последние ряды орков остались позади, но Хакарутах продолжал двигаться вперед, пока не остановился на полпути к стене плотного тумана, скрывающего деревья.

Из белесой пелены, с ядовитым свистом разрезая воздух, вырвалась тонкая эльфийская стрела и вонзилась в землю перед черным волком. Тот недовольно фыркнул и, повернув голову, посмотрел на своего хозяина в ожидании приказа.

«Это все, на что вы способны? – проревел громовым голосом Хакарутах так, что волна тумана колыхнулась. – Вы, ничтожные эльфы! Я пришел, чтобы разорить вашу долину, уничтожить Улендаль и истребить весь ваш народ. Теперь вас не спасет даже Туманный Лес. Я – Хакарутах-Побывавший-В-Стране-Мертвых, и я жажду вашей крови».

Вождь орков поднял грубый сучковатый посох, увенчанный клыком ужасного демона, которого он победил своей магией в Стране мертвых, и начал творить страшное заклинание. Непонятные гортанные звуки древнего языка мерцающими струнами срывались с его губ, медленно сплетаясь в полыхающее адским пламенем копьё, которое в такт заклинанию мерно

покачивалось над его головой. Голос мага становился все громче, наполняясь силой и яростью. Наконец, он стал подобен раскатам грома, так, что даже воины, стоящие за его спиной, в страхе и трепете закрыли свои уши. Но голос внезапно стих, и в наступившей вдруг оглушающей тишине Хакарутах медленно и величаво взмахнул своим посохом. Плающее копьё метнулось вперед и, расколов внезапно возникший перед ним в воздухе огромный ледяной щит, вонзилось в стену тумана.

Над белесой мглой, укрывавшей лес, раздался полный боли и ужаса стон. Туман вспыхнул холодным голубым светом, распался на рваные бесформенные клочья и исчез, открыв взору орков одинокого всадника в сияющих золотом доспехах, восседающего на ослепительно белом единороге.

При виде Высшего эльфа по армии орков пронесся кровожадный рев, но вождь в решительном жесте поднял посох, и воины стихли в ожидании смертельной схватки двух великих магов.

«Ты обречен, глупец, – злобно прорычал Хакарутах, медленным шагом направляя волка к эльфу. – Преклони колени, и твоя смерть будет быстрой и безболезненной. Ты видел – твой ледяной щит не выдержал удара моего огненного копья. Моя магия сильнее твоей. Я был в Стране мертвых и вернулся назад. Меня нельзя убить. Ты должен это чувствовать. Заклятие Туманного Леса снято. Путь на Улендаль открыт. Эльфы обречены».

«Да. Твоя магия сильна, – тронув коленями единорога, Высший эльф двинулся навстречу врагу. – Ты перешел запретную границу Станы мертвых и впитал в себя ярость предков. Ты силен, но не всесилен. Тебя нельзя убить, но ты обречен на нечто худшее, чем смерть».

«Ха-ха-ха! – громовым эхом прокатился по долине смех вождя орков. – Что ты можешь сделать со мной, жалкий эльф? Покажи!»

«Тебя нельзя убить, орк, но тебя можно отправить туда, откуда ты пришел. В прошлое. К твоим бесславным предкам».

Высший эльф взмахнул рукой, и в небе над армией орков один за другим стали появляться сверкающие холодным ледяным светом символы...

* * *

– Папа... Какое прошлое? В книжке нет никакого прошлого, нет никаких символов, – маленькая девочка недовольно заерзала у отца на коленях и потыкала своим пальчиком в цветную иллюстрацию раскрытой перед ней детской книги. – Вот. Должна появиться эльфийская принцесса и победить этого... Хакара своей белой магией. Мне мама это уже читала.

– Подожди секунду, малышка, – отец пересадил дочку на софу рядом с собой и обвел небольшую гостиную рассеянным взглядом, словно стараясь отыскать недавно оставленную здесь вещь. – Понимаешь, он хотел отправить орков в прошлое. И эти символы... Я их четко видел. Это были...

– Нет там никаких символов, – не унималась девочка. – Там должна быть принцесса.

– погоди немного с принцессой, мне надо кое-что записать. На вот пока раскраски. – Отец сунул девочке альбом с фломастерами и прокричал: – Лиз! Хватай планшет и быстро давай сюда!

– Что? – в ведущих из гостиной на кухню дверях показалась молодая женщина с полотенцем в руках.

– Планшет, Лиз! Быстро!

– Опять вспышка? Я мигом, только пирог выключу, чтоб не сгорел, – женщина крутнулась на месте и исчезла на кухне.

– Дай-ка мне фломастер, – отец взял альбом с раскрасками и стал что-то быстро записывать на одной из страниц.

– Ну, что у тебя, Ник? – Лиз вбежала в комнату и уселась на пол перед мужем, положив планшет на софу.

– Открой формулу. Четвертая строка. Сегмент пространственно-временной функции.

– Есть.

– Выведи весь сегмент за скобки в отдельное уравнение. Теперь замени значение искажения гравитационного поля и временную компоненту события на это, – он протянул жене книжку с раскрасками, где размашистым почерком были нарисованы несколько символов.

– Ник! Но это невозможно. У тебя временная переменная со знаком минус. Негативное значение. Время не может идти вспять. Это противоречит законам квантовой механики.

– Лиз, ты же убедилась неделю назад. Мы ни черта не знаем о законах квантового мира. Все теории – лишь плоды нашего воображения, основанные на никем толком не доказанных предположениях.

– Да. Но после прошлой вспышки ты всего лишь внес коррективы в напряжение магнитных полей, которые выровняли встречные векторы, и это позволило добиться большей энергии события. А здесь – время!

– Милая, просто подставь в уравнение эти значения, – Ник с усилием потер ладонями виски, словно стараясь прогнать головную боль.

– Хорошо, – женщина пожала плечами, пробежалась пальцами по экрану планшета и в раздумье прикусила губу. – Мы вышли на значение в 4×10^{35} . Со знаком минус, конечно.

– Сколько это в часах?

– Раньше ты такие задачи в уме решал, – Лиз открыла на планшете калькулятор. – 81 час с минутами и секундами. Опять же со знаком минус.

– Три дня и девять часов...

– Ник, если мы это вставим в основную формулу, она не будет иметь смысла. В нашем мире время не течет вспять.

– 81 час... – задумчиво проговорил Ник и взглянул на жену. – Время... А кто сказал, что оно не течет вспять? Где доказательства? Может, на квантовом уровне в пространстве, непосредственно примыкающем к событию, именно так и происходит. Черт! Мне надо показать это Монтини. Он теоретик и во всем этом разбирается лучше. К тому же мы приятели и он, увидев эти изменения в формуле, меня не сразу пошлет.

Гостиную ощутимо тряхнуло. Медленно качнулась штора. На кухне в стойке зазвенели бокалы. Девочка, все еще сидящая на диване, тихо ойкнула и прижалась к отцу.

– Опять... – женщина опасливо огляделась по сторонам.

– Балла 2–3, не больше.

– Пятое землетрясение в Европе за неделю, – Лиз встала и подошла к окну. – Хоть бы в горах все было нормально. Туда ведь наши поехали кататься. И Майк там с Татой.

– Да... Прошлый раз лавинами накрыло более трехсот лыжников. Десятка два до сих пор ищут. Хорошо, что мы не поехали тогда в горы. Сбрось им сообщение. Спроси, как они там. – Ник взял с журнального столика пульт и включил телевизор.

Комментатор прервал новостную программу, и зачитывал срочное сообщение. Эпицентр землетрясения находился в Адриатике, восточнее побережья Италии. О жертвах и разрушениях в зоне землетрясения информации нет. Сводки по сходу лавин в Альпах уточняются. До выяснения причин сейсмической активности правительство планирует закрыть доступ ко всем горнолыжным курортам и начать эвакуацию из наиболее опасных для схода лавин зон.

* * *

Когда шале¹ ощутимо трянуло, Майк, небрежно закинув ноги на стол, сидел в глубоком кресле с бокалом красного вина и листал спутниковые каналы. Почувствовав нарастающую дрожь пола, а затем плавный, но довольно сильный толчок, словно гору рывком пытался сдвинуть с места рассерженный великан, он вскочил и выбежал на кухню, где Татьяна заканчивала разогревать ужин.

– Бросай все и мигом в убежище, – он аккуратно взял ее под локоть и подтолкнул к выходу.

– Черт! Да когда это кончится! – выругалась она, упаковывая в пластиковый пакет пару бутылок питьевой воды и термос с остывающими остатками дневного кофе, который они брали с собой днем на лыжные трассы. – Всю неделю трясет. Здесь ведь всегда было тихо. А мы вообще в безопасной зоне. На этих склонах лавин никогда не было.

– Пошли, пошли, – уже в коридоре он снял с вешалки пару пуховиков и начал спускаться в цокольный этаж, где были расположены котельная, сауна и устроенное предусмотрительными хозяевами еще во времена холодной войны небольшое убежище, оборудованное всем необходимым для длительного выживания. – Здесь не было лавин, потому что не было землетрясений. А сейчас кто его знает. Ты видела, сколько снега выпало? Лучше пересидеть в безопасности.

Словно подтверждая его слова, обезумевший великан снова толкнул гору, да так, что на этот раз старый, сделанный на совесть деревянный шале жалобно заскрипел стыками хорошо подогнанных бревен. Снаружи сверху что-то надсадно ухнуло, и донесся нарастающий гул.

– Лавина! Быстро вниз! – Майк, чувствуя усиливающуюся вибрацию, подтолкнул подружку ко входу в убежище.

Они закрыли за собой тяжелую, усиленную несколькими слоями свинцовой радиационной защиты стальную дверь и, включив освещение, прислушались. Убежище находилось на цокольном этаже дома, сложенном из скрепленных цементным раствором, хорошо подогнанных друг к другу массивных камней. Изоляция была выполнена качественно, но по легкому дрожанию пола и стен чувствовалось движение огромных масс снега наверху.

– По ущелью идет. Справа от нас, – он приложил руку к стене, чтобы лучше чувствовать ее дрожь. – Мы на северном склоне, чуть выше основного поселка. Может и не затронет. А вот поселок, скорее всего, накроет.

– Там же местные и человек двести лыжников, – Татьяна опустилась в стоящее у стены старое кресло.

– Черт! Надо было эвакуироваться, когда пришло предупреждение о лавиноопасности после дневных толчков, – Майк взял из ее рук термос, налил себе кофе, сделал несколько глотков и прислушался. – Вроде стихло все. Ты побудь здесь. Я аккуратно выйду, осмотрюсь.

– Я с тобой, – она поднялась с кресла, с решительным видом накинула пуховик и встала у двери.

– Ах да, о чем это я. Ты же у нас альфа-самка, – он улыбнулся и чмокнул ее в щеку.

Основное освещение в коридоре погасло, только тускло мерцала красным светом аварийная лампочка, подсвечивая похожую на холодный туман снежную пыль, тонкой пеленой висящую в полутьме. Ведущая наверх лестница была наполовину засыпана снегом. Майк выругался и потащил подружку обратно внутрь.

– Ты чего? – вывернулась она.

– Хэй! Нас накрыло лавиной. Это не шутки, так что на этот раз делай то, что тебе говорят. Я как ни как с детства все зимние каникулы в горах на лыжах проводил, – он открыл небольшой шкаф, стоящий у стены, сдвинул в сторону несколько пыльных от времени костюмов радиационной защиты, достал пару утепленных резиновых сапог, оценивающе повертел

¹ фр. chalet – деревянный дом, построенный в швейцарском стиле

их в руках и бросил Татьяне. – Одевай. Немного великоваты, но не в тапочках же тебе по снегу лазить. И возьми фонарь с полки у входа. Надеюсь, он работает.

Переобувшись, они снова выбрались в коридор. Майк включил фонарь и по заснеженным ступенькам осторожно поднялся наверх. На первом этаже снега было почти по колено. Дом устоял, но лавина выдавила входную дверь и окна, так что внутри все было засыпано разной величины сугробами.

– Нас зацепило только краем, – сообщил Майк, подавая руку подруге, пытающейся вытащить застрявший в плотном снегу сапог. – Пошли к выходу. Посмотрим, что снаружи.

Их шале находилось на северном склоне, на небольшой ровной площадке, метров триста выше основного поселка, от которого к нему узким серпантинном вела асфальтовая дорога. Что творилось внизу, в темноте разобрать было сложно, но, судя по тому, что в обычно оживленном и хорошо освещенном в это вечернее время поселке сейчас царила полная темнота, основной удар лавины пришелся именно туда. Майк повел лучом фонаря из стороны в сторону. Вокруг все было засыпано снегом, из которого кое-где торчали нетолстые стволы и ветки деревьев.

– Гюнтер... – дернула его за рукав Татьяна. – Там Гюнтер с семьей. Их шале чуть ниже по дороге. Метров двести.

Майк осветил в направлении, указанном подругой, но фонарю не хватало мощности, чтобы пробить заполненную оседающей снежной пылью темноту.

– погоди. Ты куда? – ухватившись за пуховик, он остановил рванувшую в сторону дороги подругу. – Ты что, руками будешь снег разгребать?

– Может, им нужна помощь прямо сейчас! С ними же дети, – она рванула пуховик, сделала шаг и тут же провалилась глубоко в снег.

– Не дури. Гюнтер опытный лыжник. Он знает, что делать при сходе лавины. Времени до удара лавины было достаточно. Они, скорее всего, успели укрыться в подвале. Пойдем наверх, наденем лыжные костюмы, теплую обувь, возьмем снегоступы, лопаты и спустимся вниз. – Майк развернулся и, не дожидаясь ответа, начал пробираться по снегу в дом.

Через десять минут они, обув снегоступы, которые есть в любом горном швейцарском шале, прихватив моток альпинистской веревки, аптечку и вооружившись лопатами, начали осторожно спускаться по дороге к дому, который снимал Гюнтер. Мобильная связь работала, но сеть была перегружена настолько, что дозвониться куда-либо было невозможно. Чаты тоже были забиты таким количеством сообщений, что понадобилось бы полчаса, чтобы в них разобраться. Поэтому Майк выключил смартфон, чтобы не разряжать батарею.

В долине, накрытой снежными завалами, уже было заметно оживление. Беспорядочно мелькали лучи фонарей, кричали люди, тархтело несколько аварийных генераторов. Кто-то на их склоне, но гораздо правее, с участка, не зацепленного лавиной, развернул машину в сторону поселка и включил дальний свет фар. Два мощных снопа света врезались в мешанину из снега и строительных обломков, по крыши засыпавшую одноэтажные дома и доходившую до второго этажа небольшой гостиницы расположенной в центре. С противоположного склона запоздало завывала сирена. Ее тревожные звуки, отражаясь от гор, замечались по долине, добавляя еще больше трагизма произошедшей катастрофе. Впрочем, вскоре сирена, несколько раз надсадно рывкнув, умолкла, уступив место редким неразборчивым крикам из поселка.

Снегоступы держали хорошо. Дорога вниз по заваленному сугробами серпантину заняла минут пятнадцать. Шале Гюнтера было засыпано снегом наполовину. Удар лавины смял часть крыши и немного сдвинул деревянный сруб с каменного фундамента. Майк, оставив подругу на небольшом расстоянии освещать строение фонарем, пробрался через выдавленное окно на второй мансардный этаж и увидел, что лестница вниз искорежена и полностью завалена снегом. Несколько раз ткнув черенком лопаты в сугроб, он убедился, что это не пробка и снег, скорее всего, забил и весь первый этаж. Тихо выругавшись, он оторвал от одной из стропилин увесистую доску и, пробравшись к несущей балке крыши, несколько раз с размаху ударил по

ней, потом прислушался... Еще несколько глухих ударов доской по балке – и снова пауза. Еще несколько ударов...

– Что ты там делаешь? Тебе помочь? – крикнула Татьяна, пробираясь ближе к полуразрушенному зданию.

– Нет. Не лезь сюда. С этой стороны опасно. Здесь все может обвалиться, – ответил ей Майк. – Я стучу по дереву, чтобы подать сигнал. Если Гюнтер еще здесь, он должен ответить стуком.

Широко размахнувшись, он еще несколько раз ударил по балке доской и снова осторожно прислушался, потом повторил свою попытку еще и еще. Наконец Майк со злостью отбросил доску в сторону и через окно выбрался наружу.

– Если они и живы, то я их не слышу, – выдохнул он, садясь на снег рядом с подругой. – Может, они успели укрыться в подвале. Тогда им ничего не угрожает. Они там продержатся несколько дней. Но если их накрыло на первом этаже, мы им ничем без специального оборудования не поможем. Дом нестабилен и может пойти вниз по склону.

– Давай попробуем докопаться до первого этажа со стороны дороги, – она присела на снег рядом с ним. – Помнишь, там есть наружный вход в подвал.

– Помню, – Майк потянулся за лопатой. – Дом сдвинут с фундамента на несколько метров. Но попробовать можно. Копать будем по очереди. Надо сделать что-то вроде лестницы под углом в 45 градусов.

Они копали несколько часов, медленно и упорно вгрызаясь в спрессованный под собственной тяжестью неподатливый снег, пока над их головами не завис армейский вертолет и к ним на тросах не спустилась пара бойцов с лопатами, металлическими шупами и какими-то приборами. К этому времени вся долина уже была освещена светом десятков мощных переносных прожекторов, над ней кружили вертолеты, а у заваленных снегом домов, усердно орудуя лопатами, трудились несколько сотен военных.

Дрожащих от напряжения и усталости, их укрыли одеялами, напоили горячим шоколадом из огромного термоса и на спасательных тросах подняли в вертолет. Через двадцать минут они уже были в находящемся у подножья гор городке в хорошо отапливаемом спортзале, превращенном в центр приема пострадавших. Там их быстро осмотрел доктор и, дав легкое успокоительное, отпустил по своим делам, чтобы освободить место для постоянно прибывающих из накрытой лавиной долины людей.

Семью Гюнтера нашли на следующий день. В момент схода лавины они спускались на автомобиле по серпантину, ведущему в поселок. Их накрыло прямо на дороге. Навалившаяся сверху масса снега сорвала машину со склона и протащила вниз метров сто двадцать, беспощадно крутя и швыряя о камни. Но погибли они не от травм и сотрясений. Они погибли внутри искореженной машины от удушья под пятнадцатиметровым слоем плотного снега.

США. Вашингтон

– Ты меня извини, Джейн, но я ни хрена в этом не понимаю. Я не долбаный географ.

– Геофизик.

– Да... Не геофизик или кто там у вас еще этим всем занимается, – глава Министерства национальной безопасности США, не скрывая раздражения, положил на стол несколько листов, заполненных диаграммами и графиками. – Ты можешь нормальным языком объяснить, что происходит?

– Да, Рон. Но это займет немного времени, – помощник президента США по науке Джейн Хайден бросила на собеседника вопросительный взгляд.

Недовольно качнув головой, Бэйтс взглянул на часы и нахмурился.

– Ладно. Со всем этим все равно надо будет разбираться, но все же постарайся уложиться в минут десять.

– Тогда слушай, – Хайден достала из плоского кейса небольшой тонкий планшет. – Шесть дней назад сейсмостанции по всей планете начали фиксировать регулярные волнообразные всплески сейсмической активности. Резко возросло количество землетрясений и извержений. При этом ничего серьезного не произошло. Землетрясения в районах повышенной сейсмической активности не превышали 4–5 магнитуд, в более стабильных зонах 2–3. Вулканы вели себя несколько активнее, но тоже ничего трагического – 5–6 баллов по шкале извержений, и то только в районе «огненного пояса», идущего по восточной части евро-азиатского шельфа.

– Так в чем же дело? – глава МНБ снова взял доклад со стола и непонимающим взглядом посмотрел на графики. – Что тебя беспокоит? Йеллоустон? Разлом Сан-Андреас? Или что там у нас еще Господь припас для того, чтобы наказать Америку за ее грехи.

– Активность Йеллоустона не превышает критических параметров. На Сан-Андреас было четыре небольших землетрясения. Ученые говорят, что это даже хорошо, потому что позволило плавно сбросить литосферное напряжение. Дело в самом факте резкого усиления сейсмической активности по всей планете, которое мы не можем пока объяснить. Есть еще один непонятный момент. NASA зафиксировало незначительное, но резкое смещение геомагнитных полюсов. Они не могут сказать, когда точно оно произошло и продолжается ли сейчас. Для мониторинга смещения нужны временные промежутки в несколько дней. Возможно, это как-то связано с сейсмической активностью.

– Хорошо... Вернее, плохо. Все эти извержения, землетрясения, смещения полюсов... Но чем это угрожает нам? И что мы можем сделать, чтобы минимизировать риски?

– Шесть дней назад произошло еще одно явление, – Хайден снова взглянула в планшет. – Мощная вспышка на солнце.

– Знаю. Мне из NASA уже докладывали. Но она ведь уже прошла, не зацепив Землю.

– Это так. Но интересен сам факт: начало сейсмической активности совпало со вспышкой. Узконаправленный протуберанец солнечной короны был выброшен точно в сторону Земли и не задел нас только потому, что за два дня планета уже ушла по орбите из его зоны.

– И?

– Конкретные выводы пока делать рано. Надо продолжить наблюдения, составить модели.

– Значит, и риски не определены. Тогда о чем разговор?

– Связать напрямую все эти явления у нас пока не получается, но такая сейсмическая активность может иметь искусственное происхождение.

– А вот это уже кое-что, – оживился Бэйтс. – Русские? Опять играют с литосферным оружием.

– К сожалению, эта тема для нас, гражданских, закрыта. Я изложила некоторые настораживающие факты. Дальше вам лучше поискать ответы в Пентагоне.

– Поищу, конечно, – глава МНБ сделал пометку в своем ежедневнике и глянул на часы. – Спасибо за информацию, Джейн. Все это, действительно, странно. Собери-ка ты ученых, и не только NASA или USGS², расскажи им все. Может, вместе нащупаете какую-нибудь стоящую версию.

Когда дверь за Хайден закрылась, Рональд Бэйтс еще некоторое время рассеянно смотрел на ее доклад, оставшийся лежать на столе, потом встряхнулся и отправил министру обороны короткое сообщение: «Напомни мне статус оценки рисков разработки русскими литосферного оружия».

² англ. United States Geological Survey – Геологическая служба США.

Швейцария. Женева

В свои 32 года Майкл Монтини добился много, но главным достижением в жизни он считал не две престижные международные премии в области теоретической физики и математики, не мировое признание его таланта, не уважение и даже легкую зависть коллег. Главным было то, что всего этого он добился сам, без помощи своего отца – влиятельного итальянского политика, владевшего, помимо всего прочего, обширным бизнесом по переработке молока, и имевшего свои интересы по всей Европе.

С родителем они поссорились еще в старших классах школы, когда Монтини-старший, пытаясь вырастить из сына наследника принадлежащей ему молочной империи, стал довольно жестко пресекать любые его попытки развить свой очевидный талант в математике. Дело дошло до того, что Майкл затолкал в небольшой рюкзачок потертые джинсы, свитер, пару рубашек и ушел из дома, оставив папе его деньги, платиновые кредитные карточки и все прочие блага роскошной жизни.

Некоторое время он провел в студенческом кампусе Сапиенцы³ где его уже знали по секции прикладной математики. Он зарабатывал тем, что готовил курсовые работы для ленивых студентов старших курсов. Этих денег вполне хватало на книги, пиво и безобидный флирт с первокурсницами. Потом его вычислила местная полиция и вернула в родительский дом. Папа, конечно, был в ярости и, накричав на сына, запер его на месяц в своей комнате без интернета и книг по математике. Тогда Майкл позвонил в инспекцию по насилию в семье и пожаловался на бедственное положение. Через несколько часов к парадному входу роскошной виллы Монтини в пригороде Рима в сопровождении машины местных карабинеров подъехал неброский микроавтобус и две полные, печально улыбающиеся тетушки из попечительского совета изъяли бедного ребенка из семьи жестокого отца и под довольные взгляды мачехи, которая была немногим старше Майкла, перевели в приют.

Карабинеры потом долго объясняли папе, что ни за какие деньги не могут ничего сделать с инспекцией, что надо подождать, когда сын не выдержит трудностей приютской жизни и попросится домой сам.

Но младший Монтини выдержал. Более того, когда молодой университетский профессор, ведущий секцию по математике, узнал о случившемся, он поговорил с руководством приюта и оформил нечто вроде неформального опекуства, и это значительно облегчило приютскую жизнь.

В 16 лет Майкл впервые выиграл европейскую олимпиаду по математике, получил государственный грант и, несмотря на возраст, был принят в университет на факультет математики, физики и естественных наук. Свою первую международную премию он получил уже на третьем курсе, а с ней пришли и университетские гранты, и признание друзей, и собственная «лаборатория» по теоретической физике. Потом были диссертации, звания, ученики, престижные проекты. Но, несмотря на всеобщее признание своего таланта, Майкл продолжал ходить в потертых джинсах, просторном свитере ручной «бабушкиной» вязки и цветастой вязаной шапке в стиле Боба Марли, из-под которой выбивались тонкие тугие веревочки дредов. Впрочем, в довольно неформальной и толерантной среде молодых ученых к этому все быстро привыкли и перестали обращать внимание на такие чудачества молодого гения.

В этот вечер Монтини, сидя за столиком на крытой, хорошо прогреваемой террасе неदेशового женевого ресторана, с интересом разглядывал формулу на планшете, который только что протянул ему Ник.

³ итал. Sapienza – Università di Roma – самый крупный и престижный университет Италии,

– Ну, мужик, ты здесь и накрутил, – он сделал несколько глотков пива, закурил и снова уткнулся в планшет.

– Я не математик, Майк, я экспериментатор, – Ник тоже отхлебнул пива и чуть заметно поморщился от сигаретного дыма, сносимого на него вытяжкой.

– Не прибедняйся. Это и хорошо, что ты не математик. Математик до этого бы не додумался, – Монтини повернул планшет экраном к приятелю. – Ты откуда взял эти значения?

– Понимаешь, я читал дочке сказку. Ну гоблины там, эльфы, и тут в голове всплыли символы. Как в прошлый раз.

– Да, чувак, прошлый раз ты натворил дел... – Майк хмыкнул, отложил планшет, глубоко затянулся сигаретой и уже вполне серьезным тоном сказал: – Если бы я тогда не видел все собственными глазами, не поверил бы. Вот что я тебе скажу, амиго⁴... То, что ты вывел функцию времени со знаком минус, не имеет смысла. Ты просто подставил значения, которые тебе пришли в голову. Этого никто не примет. Но после того как ты поигрался с магнитными векторами и вышел на событие сверхвысокой энергии, я могу поверить в любые твои каракули. Особенно, если при этом снова не обрушится электросеть женеvского кантона и не накроются два наших магнитных контура. Как в прошлый раз.

– Я понимаю, что все это смотрится как бред. А если зайти с обратной стороны? Ты можешь смоделировать событие так, чтобы в результате получились значения, близкие к моим.

– Смоделировать-то я могу что угодно, но что это тебе даст?

– Ну... – Ник немного опешил от вопроса. – Это будет хоть каким-то подтверждением.

– Херня все это. Чтобы получить подтверждение, тебе не нужны крючки-закорючки математических формул. В них все равно никто не поверит. Тебе просто надо включить детектор, – Монтини снова повернул к себе планшет. – За 81 час до запланированного эксперимента. Ты ведь на это время вышел с отрицательным вектором?

– Черт возьми, это действительно было бы идеально!

– Идеально, но не реально. Никто не даст тебе включить детектор на холодном приборе.

– А если попытаться их уговорить? Это было бы подтверждением моей теории.

– Теории? – скептически покачал головой Майк. – Чувак, пока это похоже на бред сумасшедшего. Но! Если будет хотя бы отдаленный экспериментальный намек на то, что ты здесь вывел, это все потянет на полноценную модель.

– Тем более надо попробовать.

– Привет, мальчики, – к ним подошла приятного вида женщина неопределяемого возраста. – Что такие кислые? Майк, я тебя не узнаю. Я думала после того, что мы пережили в горах этой ночью, ты будешь бухать целую неделю.

– А вот и Танюша. Конечно, буду бухать, но немного позже. Доктор ведь не запрещал. Да и стресс снять надо. А пока я не начал, посмотри, что у меня тут есть, – Монтини протянул ей планшет.

– Извините, я не знал, что у вас тут встреча, – немного стусевался Ник. Татьяна работала в группе, отвечавшей за сбор и обработку данных с детектора, и считалась официальной подругой Майка. – Тата права, вам бы лучше сейчас отдохнуть.

– Да брось. У нас еще вся ночь впереди, – махнула она рукой, присела за стол за стол и принялась изучать формулу на экране планшета. Через несколько секунд она подняла глаза на друга и, покачав головой, сочувственно произнесла: – Милый... Да твоя фамилия не Монтини. Твоя фамилия Охренелли.

– Это у нее юмор такой. Русский. Это значит, что я, вроде, крутой перец, – итальянец улыбнулся ничего не понявшему Нику. – И почему же, дорогая, я именно то, чем ты меня назвала?

⁴ исп. друг.

– У тебя в четвертом сегменте функция времени отрицательная. Ты опять курил всякое дерьмо?

– Ну... Допустим, это не у меня, а у нашего французского друга. Дело в том, что у Ника была очередная вспышка-просветление. И если он будет прав, как и в прошлый раз, то будет получать нобелевку по физике ближайшие десять лет подряд.

– Как в прошлый раз? – Татьяна с наигранным страхом взглянула на Ника. – Это опять с вырубанием сети, призрачным сиянием над городом и разрушением десяти процентов сенсоров моего любимого детектора?

– Ладно, хватит о грустном. Мы так и не поняли, что тогда произошло. Кстати, Тань, ты работаешь на детекторе. Может, посоветуешь чего, – Майк взял планшет у нее из рук. – А ты, Ник, не спеш. Дай мне еще над этим поразмыслить. Завтра в обед переговорим. А теперь давайте ужинать. Эй, амиго, – он сделал размашистый жест рукой официанту, который тут же подскочил к их столу. – У нас тут друг на Нобелевскую премию нарывается. Принеси-ка нам меню, а чтобы мы не скучали, пока готовится заказ, подайте дюжину устриц и такое же количество рюмок водки. Я до сих пор после лавины согреться не могу. Хотя нет. Водки можно больше. Я угощаю.

– Но, месье Майк, может с водкой будем поосторожнее, – сказал пожилой официант, нагнувшись к Монтини, но достаточно громко, чтобы слышали все за столом. – А то прошлый раз нам пришлось сдавать в чистку ковер из мужского туалета.

– Не стоит беспокоиться, – весело отмахнулся тот веселый взгляд. – Сегодня со мной моя русская подруга, так что все под контролем.

– Ты что, опять подхалтурил где-то? – Татьяна укоризненно посмотрела на итальянца. Тот с видом невинного младенца пожал плечами и, перегнувшись через угол стола, громко чмокнул ее в щеку.

США. Вашингтон

Совещание в Белом Доме по положению на Ближнем Востоке закончилось около часа ночи. Когда все разошлись, в ситуационном зале на первом подземном уровне остались трое: глава МНБ Рональд Бэйтс, министр обороны Джон Кимбел и директор ЦРУ Стивен Райнер.

– Что за спешка, Рон, – министр обороны налил себе большую чашку кофе с молоком и уселся за круглый стол. – Час ночи уже. Могли бы обсудить все и завтра.

– Не бурчи. Это не займет много времени, – бросил на него колкий взгляд глава МНБ. – Через пару минут к нам присоединится доктор Хайден, тогда и начнем. Тут в мире какая-то херня творится. Читали мое письмо? Сейсмическая активность, вспышки на солнце, сдвиг полюсов.

– А... Ты про это, – протянул директор ЦРУ. – Мне завтра в семь утра инструктировать своих по результатам совещания. Хотелось бы поспать пару часов.

– Хочешь спать до обеда, надо было оставаться в Госдепе, – ехидно хохотнул Кимбел. – Хотя, один хрен, и там, и там одни шпионы.

– Ладно вам. Цапаетесь, как дети, – беззлобно бросил Бэйтс, который на добрый десяток лет был старше своих коллег и имел в Администрации неоспоримый авторитет.

– Добрый всем ночи, господа, – в зал вошла помощник президента по науке Джейн Хайден. – Как прошло совещание?

– Как обычно, – дернул плечами министр обороны. – Госдеп опять втягивает президента в авантюру в Южном Ираке. Переговоры, разговоры... Русские, иранцы... Я давно накрыл бы всех с авианосцев, как в старые добрые времена, – и конец проблеме.

– Хватит. Разбирайся со своими авианосцами утром, – Бэйтс кивнул Хайден на кресло рядом с собой. – Садись, Джейн. Выкладывай, что у тебя нового.

– Сейсмическая активность спадает, – Хайден достала планшет, синхронизировала его с занимавшим почти всю стену экраном и вывела развернутую карту мира, покрытую россыпью красных точек. – Это очаги землетрясений с момента повышения активности. А это точки и начальные векторы смещения полюсов.

– Я просил вас проверить в своих ведомствах, нет ли информации об испытании русскими литосферного оружия, – Бэйтс взглянул на директора ЦРУ.

– По моим каналам ничего. Агентура не фиксирует какой-либо заметной активности, – пожал плечами тот. – АНБ тоже не перехватило ничего достойного внимания.

– Мне из отдела мониторинга литосферной активности доложили, что после испытания русскими неизвестного устройства восемь лет назад на севере их европейской части никакой искусственной активности не наблюдается, – министр обороны достал справку из своей папки. – Но картинка очень похожа. Тогда в 2016 году в районе их города э... Вологда произошло землетрясение в 4,5 магнитуд. После него тоже резко возросла сейсмическая активность на Ближнем и Среднем Востоке, по всему «огненному поясу», у нас на западном побережье и в Чили. В то время наши спецы долго ломали голову, откуда у русских может взяться очаг землетрясения посреди стабильной массивной континентальной плиты. На ядерный взрыв это было не похоже, сигнатура не та, и мы решили, что Москва испытала какое-то литосферное устройство. Доказательств, даже косвенных, нет, но теперешняя картинка очень напоминает 16-й год, хотя сейчас сейсмическая активность гораздо интенсивнее и охватывает всю планету.

– *USGS* прогнала смещение полюсов через компьютерную модель и пришла к выводу, что относительно поверхности оно является эксцентричным, – Хайден увидела полное непонимание на лицах мужчин и пояснила: – Нашу планету можно грубо представить в виде вращающегося вокруг своей оси шара. Земные полюса, магнитный и географический, располагаются у северной и южной части этой оси. Так вот... Смещение магнитных полюсов – дело обычное.

Они постоянно плавно дрейфуют со скоростью несколько сотен метров в год, но при этом их ось обязательно проходит через центр Земли. Теперь же, судя по модели *USGS*, ось немного сместилась от центра в сторону Восточного полушария.

– И о чем это говорит? – министр обороны вопросительно взглянул на ученого. – Русские что, уже научились управлять земной осью.

– Не параной, Джон, это уже начинает надоедать, – глава МНБ сделал нетерпеливый жест. – Если русские когда-то тебе надрали задницу, это не значит, что их надо пристегивать к любой проблеме. Не забывай, у нас с ними теперь мир. Во всяком случае, официально. Продолжай, Джейн.

– Русские тут не при чем. Эксцентриситет оси может появиться только из-за смещения гравитационного центра планеты, который определяется ее ядром, – Хайден вывела на экран схему строения Земли. – *USGS* считает, что в ядре происходят какие-то изменения. Природу их мы пока не понимаем. Но тут нам помог сам всплеск сейсмической активности. Ударные волны от землетрясений распространяются во всех направлениях и сканируют внутренности земли. Потом датчики по всему миру считывают информацию и после ее обработки можно выстроить вполне объективную модель.

– И когда она будет готова? – задал вопрос директор ЦРУ.

– Данных много. Понадобится пару дней.

– Хорошо. Будем ждать информации от *USGS*, – подвел черту под разговором Бэйтс. – Все равно сейсмическая активность снижается. Возможно, у нас и нет основания для беспокойства. Мало ли, что там внутри планеты может происходить. Но... Джейн, ты проинструктируй ученых, чтобы усилили мониторинг активности на Йеллоустоне и Сан-Андреас. Джон, передай наш разговор своим специалистам, которые мониторят литосферную активность русских. Стив, подстегни свою агентуру в России, может что и накопят. С АНБ я свяжусь лично и проинструктирую их, чтобы усилили контроль информационных потоков, связанных с всплеском сейсмической активности, и поставили на их фильтрацию и анализ одну из нейросетей. Вся информацию копируйте мне. Если это не враждебные действия третьей стороны, то вы мне больше не понадобится. Будем разбираться с учеными. Да, и президента не грузите, пока не разберемся что к чему. Считаю это совещание неформальным, поэтому протокола не будет. Если вопросов нет, пойдёмте спать.

– Это действительно не заняло и пятнадцати минут, – директор ЦРУ бросил быстрый взгляд на часы. – Все бы совещания проходили так.

– Это потому, что с нами не было Госдепа, – сказал министр обороны, поднимаясь с кресла. – Те бы все заболтали так, что после пяти минут мы не смогли бы вспомнить, зачем здесь собрались.

В коридоре глава МНБ немного притормозил Хайден, позволив коллегам пройти вперед.

– Ты сама, что об это думаешь? – тихо спросил он.

– Я думаю, что Джон из-за своих шуточек про Госдеп нарвется на серьезный разговор с президентом.

– Я не про это, – Бэйтс махнул рукой в сторону уходящих по коридору коллег. – Я про полюса.

– Даже не знаю... – Джейн задумчиво покусала губу. – Сдвиг полюсов и всплеск сейсмической активности явно взаимосвязаны. Надо подождать компьютерную модель. Ясно одно – это явно какая-то аномалия, связанная с земным ядром. И если она будет прогрессировать, то может случиться все, что угодно.

– Что именно?

– Советую посмотреть старый голливудский фильм. Называется «2012». Вышел лет 15 назад. Примитивно, но довольно красочно описывает, что может произойти с Землей при нарушении стабильности ядра.

– Помню я этот фильм. Там все летит к чертям, континенты уходят под воду и из пригодных для жизни территорий остается только Африка.

– Вот-вот. В случае, если земное ядро потеряет стабильность, нас вполне может ждать похожий вариант.

– Твою мать... Нам что теперь ковчеги строить? – выругался глава МНБ.

– А у нас они разве до сих пор не построены? – хитро улыбаясь, спросила Джейн.

– Да ну тебя, – отмахнулся Бэйтс, и они зашагали к лифтам по узкому коридору.

Швейцария. Пригород Женевы

Утренний кофе казался горьким и противным. Не спасали даже свежие, еще теплые круассаны с начинкой из малинового джема, которые только что доставили из расположенного неподалеку кафе. Ник сделал глоток, поморщившись, отодвинул от себя чашку и налил стакан холодного апельсинового сока.

– Ну зачем тебе надо было связываться с русскими, – Лиз присела рядом и укоризненно посмотрела на мужа.

– Монтини итальянец, – он сделал несколько больших глотков сока и шумно выдохнул. – А Татьяна женщина.

– Тата – русская. В выпивке и сексе она даст фору любому из вас, хилых европейцев. А Майк со старших классов ошивался по студенческим общагам, где научился бухать и курить всякую дрянь.

– А мы французы! Наша армия когда-то взяла Москву, – Ник с гордостью вскинул голову, но от резкого движения, вызвавшего приступ тупой головной боли, зажмурил глаза.

– Ладно, пьяница, я тебе помогу, – понимающе улыбнувшись, Лиз потрепала его по непричесанной шевелюре, взяла спелый лимон из вазы с фруктами, разрешила и через чайное ситечко выжала половинку в кофе, потом подошла к кухонной стойке и достала бутылку коньяка.

– Нет, только не коньяк. После водки и красного вина мы как раз им и закончили.

– Не сопротивляйся, милый, я знаю, что делаю. Так мама спасала моего отца каждый раз, когда он отмечал выгодный контракт, – она плеснула немного коньяка в кофе и пододвинула чашку мужу. – Пей.

– Не могу, – тот бессильно откинулся на спинку стула.

– А ты представь, что это лекарство.

Смешно сморщившись, Ник поднес чашку к носу, с опаской понюхал содержимое и, зажмурив глаза, залпом выпил. Смесь лимона и кофе терпкой кислинкой освежила рот. Необычный эликсир, приятно согревая внутренности, опустился вниз и замер мягким комком где-то под солнечным сплетением. Через несколько секунд внутри стало тепло и комфортно, а жесткая вата, которой была набита голова, начала понемногу растворяться.

– Ты просто волшебница, – промурлыкал Ник и, поцеловав жену, потянулся за круассаном.

– Думаю, в таком состоянии тебе не стоит ехать в лабораторию, – сказала она и, видя, как муж жадным взглядом поглядывает на коньяк, спрятала бутылку. – Ты вполне можешь поработать из дома.

– Нет. Все нормально Я, вроде, отошел. Мы с Монтини договорились встретиться после обеда и еще раз прогнать мои изменения в формуле.

– Так и быть. Но за руль ты в таком состоянии не сядешь.

– Слушаюсь, госпожа, – Ник в жесте полного подчинения сложил руки на груди и склонил голову. – После того как ты меня спасла, моя жизнь сегодня полностью принадлежит тебе.

Через час их «Тесла», чуть слышно жужжа электродвигателями, катила по шоссе Рут де Сатини в сторону развязки с дорогой, ведущей в исследовательский центр. Лиз, пристроившись в правом ряду за старым массивным американским внедорожником, который минуту назад ее бесцеремонно подрезал, вела машину по-женски аккуратно, то и дело поглядывая на задремавшего на пассажирском сидении мужа.

Перед самой развязкой внедорожник резко затормозил, затем, неожиданно включив заднюю передачу, визжа резиной, дал задний ход и с небольшого разгона врезался в их хрупкий электромобиль.

Испуганно вскрикнула Лиз. Хрустнул, сминаясь, стеклопластиковый капот. Их бросило вперед, но сработавшие ремни безопасности, больно сдавив грудь, снова вжали тела в кресла. Затем спереди и по бокам выстрелили подушки, заполнив собой все пространство между людьми и лобовым стеклом.

– Ты как, Лиз? – повернув голову в сторону так, чтобы можно было дышать, прохрипел Ник.

– Нормально. Только очень болит правая рука.

– Не двигайся, – Ник попытался отстегнуть ремень безопасности. – Удар несильный. Мы на дороге. Тут полно машин. Сейчас нам помогут. Черт возьми, что это за идиоты!

За местом столкновения действительно образовалась пробка. Люди выходили из машин, чтобы посмотреть, что произошло. Кто-то уже звонил в полицию, кто-то снимал происшествие на смартфон. Пара молодых девушек, ехавших сразу за ними в небольшом подержанном автомобильчике, выбралась наружу и, в растерянности оглянувшись в поисках помощи, направилась к покоренной «Тесле».

Двери внедорожника, ударившего машину Лиз, открылись, и из него медленно вылезли двое одетых в черные рабочие робы мужчин. Нижнюю часть их лица скрывали тонкие шелковые маски, из-под надвинутых на лоб бейсболок, не обещая ничего хорошего, поблескивали темные солнцезащитные очки. В руках они держали зловещего вида помповики. Направившись было на помощь девушки увидели оружие, остановились и, тихо ойкнув, попятились назад. Мужчины медленно, никого не опасаясь и словно позируя перед десятком камер отбежавших подальше добропорядочных граждан, снимавших их на смартфоны, подошли к «Тесле» с разных сторон. Несколькими ударами прикладов они разбили стекла напротив Лиз и Ника. Ножами пропоролы подушки безопасности, чтобы еще раз убедиться, что перед ними находятся именно те, кто им нужен, и, картинно приложив дробовики к плечам, выстрелили несколько раз внутрь салона. Затем один из них достал небольшой конверт и, бросив на залитые алым тела, что-то прокричал на французском. Его слова разобрать было невозможно потому, что стоящие в пробке водители и пассажиры, до сих пор с интересом наблюдавшие за происходящим, с воплями бросились бежать в разные стороны.

Ник оправился от шока почти сразу. В первую секунду он удивился, что чувствует всего лишь тупую боль в плече и области груди. Бьющийся в панике мозг тут же подсказал ему, что это последние секунды его жизни, и вернул часть притупившихся от ужаса ощущений. Он повернул голову к жене, чтобы она осталась последним, что он увидел в этой жизни.

Ремни безопасности плотно вжали залитое кровью тело Лиз в сидение. Голова ее безвольно опустилась на грудь, крупные кудряшки светлых волос закрывали лицо. Ник почувствовал, как по его щекам потекли слезы. Готовясь проститься с этим миром, он подумал о дочери и закрыл глаза в ожидании неизбежного конца.

Но смерть не наступала. Вместо этого тупая боль в области груди стала более резкой, как будто кто-то приложил к коже раскаленное железо. Застонав, Ник наклонил голову, в ужасе ожидая увидеть в области груди огромную дыру от заряда картечи с торчащими из нее ребрами и ошметками легких. Ученый прекрасно помнил направленный на него ствол дробовика, слышал грохот выстрела, чувствовал резкий запах пороха. С такого расстояния промахнуться было невозможно. Он поднес руку к разлившемуся по груди кровавому пятну и потрогал мягкие липкие сгустки, потом медленно поднял ладонь к глазам и в рассеивающемся пороховом дыму секунду рассматривал испачканные алым пальцы. Несмотря на выстрел в упор, он определенно был жив, он дышал, мог двигаться, его мозг, оправившись от первой волны животного ужаса, мог думать.

Ошеломленный, Ник поднес пальцы к лицу и лизнул капельку крови. Он не знал, какая кровь на вкус, но никогда не думал, что она маслянистая и отдает легким запахом растворен-

теля. Растер кровь между пальцами... Понюхал. И тут его мозг безжалостным рывком окончательно вернул его к реальности.

– Краска!!! – проорал он, повернувшись к Лиз. – Очнись! Это всего лишь краска!

– Месье, не двигайтесь. Вы ранены, – серьезного вида толстячок, одетый в дорогое бежевое пальто, открыл дверь с его стороны. – Я врач. Я вам помогу. Только не двигайтесь.

– Это краска! – снова во все горло заорал Ник. – Где они?! Где эти негодяи?!

– Спокойно. Бандиты уже скрылись. Дайте я посмотрю, – толстяк сильным уверенным движением прижал его руку к сидению, осторожно потрогал красное пятно на плече, потом на груди, расстегнул молнию куртки и, увидев, что свитер на груди не поврежден, отступил на шаг назад.

– Черт возьми, это действительно краска!

– Помогите моей жене, – Ник рванул из гнезда ремень безопасности и повернулся к Лиз. – Милая, очнись, это всего лишь краска!

– Подождите. Осторожней. Дайте я ее осмотрю, – врач уже открыл дверь со стороны водителя, осторожно откинул голову женщины на сидение, потрогал залитое алым плечо и шею, убрал с лица волосы и, вытерев стерилизующей салфеткой испачканные краской пальцы, приоткрыл веко. – У нее шок. Скорую помощи уже вызвали, полицию тоже. А пока...

Он раскрыл пластиковую коробку стандартной автомобильной аптечки, которая все это время была у него в руке, достал небольшой флакончик и поднес его к носу Лиз. Девушка застонала, мотнула головой, открыла глаза и, громко вскрикнув, рванулась на сидении, обводя пространство вокруг себя широко раскрытыми от ужаса глазами. Ремни безопасности и руки Ника удержали ее.

– Спокойно, милая, мы живы, – проговорил он, мягким движением повернув ее лицо к себе. – Это краска. Эти сволочи стреляли в нас краской.

* * *

Молоденькая медсестра пропустила в палату невысокого седого человека в белом халате, накинутом поверх костюма.

– Инспектор криминальной полиции кантона Женева Пьер Картуш, – представился он и присел на небольшой стул у больничной кровати, на которой лежал Ник. – Как вы себя чувствуете, доктор Ривье?

– Вроде ничего. Врачи говорят, шок прошел. Я готов выписаться хоть сейчас, но они прописали еще какие-то процедуры и настаивают, чтобы я здесь пробыл еще два дня.

– Это хорошо. Вам и вашей жене надо полностью прийти в себя после этого ужасного нападения. Кроме того, здесь все же более безопасно, чем у вас дома. Публичное место. В коридоре постоянно дежурит полицейский. Через пару часов вас переведут в семейную палату и к вам присоединится ваша дочь.

– А я полагаю, что они просто хотят раскрутить медицинскую страховку на деньги. Вы серьезно думаете, что нападение может повториться? – Ник с нескрываемым беспокойством посмотрел на комиссара.

– Такая вероятность не исключена.

– Но за что? И они ведь не хотели нас убивать, иначе не стреляли бы краской?

– В этом мы и хотим разобраться, пока вы находитесь здесь. Позвольте задать вам несколько вопросов, – полицейский полез в карман и достал древний кассетный диктофон, – с вашего позволения я буду записывать разговор.

– Да мне особенно и нечего сообщить.

– Скажите, у вас есть враги? – громко щелкнув клавишей записи, задал вопрос инспектор.

– Нет, – Ник сделал удивленное лицо.

– Вы можете подозревать кого-нибудь в нападении?

– Нет.

– Вам кто-нибудь в последнее время угрожал?

– Нет. Не было ничего подозрительного. Мы простые ученые. Никому не мешаем, спокойно делаем свою работу.

– Хм... Есть люди, которые так не думают, – Картуш достал из кармана испачканный красной краской конверт и протянул его Нику. – Вот, почитайте. Это письмо, которое нападавшие оставили в вашей машине перед тем, как скрыться.

Быстро прочитав несколько строк напечатанных крупными буквами, ученый поднял на полицейского удивленные глаза.

– Они говорят, что наши эксперименты угрожают человеческой цивилизации. Но мы занимаемся чистой наукой. За пятнадцать лет нашей работы ничего опасного не произошло.

– Возможно, это действительно так.

– Возможно? Что вы имеете в виду? У вас есть сомнения? – искренне возмутился Ник.

– Сомневаться во всем – моя профессия. Сейчас я имею в виду случай, который произошел у вас неделю назад. Тогда Женева на несколько часов осталась без света, а над городом в атмосфере происходили непонятные явления.

– Это случается при экспериментах такого масштаба.

– Но ведь вы до сих пор не можете объяснить природу произошедшего. Это не было механическое повреждение, это не был всплеск напряжения в сети, не было это и электромагнитным импульсом. Энергия просто пропала, и, если помните, температура воздуха тоже упала на несколько градусов, – полицейский внимательно посмотрел в глаза Нику.

– Насчет температуры метеорологи тогда объяснили, что это были нисходящие потоки холодного воздуха с гор, а остальное... Мы обязательно разберемся с природой этого явления. Только для этого надо больше времени, – немного смутившись от пристального взгляда полицейского, сказал тот.

– Может быть, может быть... – как-то печально улыбнулся Картуш и достал из кармана вибрирующий смартфон. – Извините, это, по-видимому, срочно.

Кроме короткого «алло», полицейский во время разговора не проронил ни слова. Хмурясь и изредка бросая на ученого обеспокоенные взгляды, он внимательно слушал собеседника.

– Нам удалось идентифицировать нападавших, – сообщил он, аккуратно укладывая смартфон во внутренний карман пиджака. – Они особо и не скрывались. По предварительным данным, это ячейка международных экотеррористов из Латинской Америки, несколько лет назад примкнувшая к европейскому движению «зеленых». Они применяют радикальные методы борьбы со всем, что считают вредным для экологии. Если наши подозрения верны, это очень опасные ребята. Человеческих жертв стараются избегать, но вред инфраструктуре наносят серьезный. Их последняя акция – взрыв железнодорожных путей в Венгрии по ходу движения поезда с ядерными отходами для захоронения на Украине. Теперь вот они заинтересовались вами.

– Вы их поймали?

– Пока нет. Но теперь это дело времени. Как только они покажутся в общественном месте, их вычислят камеры по биометрическим параметрам. Но это теперь уже не моя забота. Дело передают в управление по борьбе с терроризмом, – инспектор, тяжело вздохнув, встал со стула. – В течение часа вас навестит пара следователей из антитеррора, а я пойду продолжать ловить мелких воришек, понаехавших к нам из Африки и Восточной Европы. До свидания, доктор Ривье.

Мысленно выругавшись, Ник откинулся на подушку и вспомнил направленный на него ствол дробовика. «Вот и до нас добрались», – подумал он и закрыл глаза, думая, ради чего люди пошли на такое преступление.

* * *

Развалившись в удобном кресле в фойе дорогой гостиницы, Агнежка довольно улыбалась, просматривая утренние женеvские газеты. Акция прошла как нельзя лучше. Журналисты наперебой описывали странный инцидент с расстрелом краской двух ученых, работающих на женеvском коллайдере. Количество материала, разные версии, эмоциональные показания свидетелей, скупое «мы пока не имеем права комментировать ход расследования» от комиссара полиции – все говорило о том, что акция прошла удачно. А главное – к коллайдеру снова привлечено внимание СМИ и теперь она будут держать это внимание под контролем и подогревать интерес, пока он не достигнет пика. И тогда...

Небрежно бросив газеты на столик, девушка, не стесняясь, потянулась, небрежным движением руки подозвала официанта и заказала кофе, коньяк и крем-брюле.

«Жизнь удалась», – Агнежка сделала глоток дорогого коньяка и с легкой грустью подумала о том, как все начиналось.

Она хорошо помнила свое детство. Большой ухоженный дом с участком земли в пригороде Гданьска. Аккуратный огородик, где мама растила овощи и зелень. Сад с яблонями и кустами малины и смородины, в которых она любила прятаться от старшего брата. Еще ей запомнился запах свежего хлеба, который мама пекла по выходным, и вкус яблочного варенья, и спелая клубника на взбитых домашних сливках. Она зажмурила глаза и провела языком по губам, снова отчетливо ощущая незабываемый вкус.

Их семья по меркам того времени жила богато. Свой дом, машина, отдых на Черном море. Отец работал мастером смены сварщиков на верфях, и его солидной зарплаты хватало, чтобы чувствовать себя вполне комфортно. Он не был коммунистом, но поддерживал официальную линию. А почему бы и нет? Ведь она давала ему и его рабочим возможность вполне достойно жить.

Потом пришла «Солидарность». Забастовки, митинги. Госпереворот. Демократия.

СССР, который на протяжении десятилетий почти бесплатно снабжал Польшу ресурсами и обеспечивал промышленность заказами, вдруг стал врагом. Верфи начали разваливаться. Рабочих, еще недавно топтавшихся на митингах за демократию, увольняли сотнями, и они спивались, постепенно продавая имущество, нажитое годами честной работы при «коммунистах».

Потом был Евросоюз, которому и вовсе стал не нужен конкурент в виде некогда мощной и современной судостроительной промышленности Польши. Верфи в Гданьске, одни из самых крупных в Европе, приватизировали, а точнее сказать, продали за бесценок и попросту разорили, превратив в десяток мелких предприятий по обслуживанию и ремонту небольших рыбацких судов и строительству дешевых прогулочных яхт.

С закрытием судостроительного производства рухнуло и благосостояние семьи Агнежки. Они продали дом и переселились в простенькую квартиру на окраине города. Денег хватило на несколько лет, а потом началась нищета. Мать устроилась работать посудомойкой, отец нещадно пил. Брат уехал на заработки в Ирландию и там пропал. Это окончательно подкосило здоровье родителей. Вскоре Агнежка осталась одна.

Девчонка она была симпатичная, и способ заработать себе на жизнь нашла довольно быстро, приноровившись обслуживать иностранных туристов и бизнесменов, приехавших в Польшу, чтобы отведать любви местных паненок. Несмотря на изматывающий физический труд и долгие ночные смены, жизнь была безбедной и вполне комфортной.

И все бы хорошо, но на одной из бурных вечеринок она познакомилась с молодым ученым из Англии. Звали его Нэш. На утро, щедро расплатившись с ней непривычными и такими странными на вид английскими фунтами, парень попросил ее о небольшом одолжении. Он был экологом, активистом Гринпис⁵, и его интересовал мониторинг местных новостей, связанных с экологией. За шикарным завтраком в одном из лучших отелей Гданьска он долго рассказывал ей о тающих льдах Антарктиды, о вымирающих видах животных, о русских, собирающихся добывать нефть на арктическом шельфе, о китайцах, в чьих городах невозможно дышать от смога. Всему этому ужасу, способному погубить планету как раз и противостоял он и его организация. Но на севере Польши у них пока не было ячейки, поэтому никто толком не знал, что тут происходит. Ему была нужна помощь в отслеживании через СМИ крупных экологических событий в регионе.

Нэш говорил просто, понятно, но чувствовалось, что он страстно верит в то, что делает. Агнежка внимательно слушала, кивала головой, думая о нескольких честно заработанных за ночь хрустящих банкнотах в ее сумочке и о том, что, если она согласится мониторить новости, он может пригласить ее в Англию на пару дней. Это было бы здорово.

И она согласилась. Работа, в конце концов, была непыльная – сидя в кресле где-нибудь в баре в ожидании очередного клиента, выуживать из местного интернета материалы, связанные с экологией, переводить общий смысл на английский и отправлять на почтовый ящик, который указал Нэш. К тому же в конце месяца ее ждал приятный бонус в виде нескольких сотен долларов, упавших на ее электронный кошелек.

Через несколько месяцев Нэш вернулся и после ночи страстной и совсем не бесплатной любви пригласил Агнежку в Гамбург на семинар для активистов Гринпис. Она не считала себя борцом за экологию. Но оплаченная организацией поездка в Германию, новые знакомые иностранцы, знаменитое немецкое пиво, сосиски и еще пара ночей с Нэшем, обещающие неплохой заработок, настойчиво подталкивали ее согласиться. Правда, среди девчонок ходили слухи о том, что таким образом можно попасть в сексуальное рабство и бесплатно годами обслуживать клиентов в дешевом борделе. Но то были рассказы о Восточной Европе, а здесь цивилизованная Германия. Гамбург...

Семинар оказался на удивление интересным. Программа была выстроена доходчиво и понятно, с большим количеством видеоматериала, лишь изредка прерывающегося выступлением молодых ребят, которые сами участвовали в акциях Гринписа. А вечером в местных барах организовывались шумные вечеринки, на которых за бокалами пенного пива все дружно орали песни про бедных китов, нещадно уничтожаемых японцами, или про то, как жестокие лесорубы безжалостно вырубают девственные леса Амазонки.

За три дня она сумела перепознакомиться с кучей людей со всей Европы и даже выучила несколько фраз по-немецки. В общем, Агнежке понравилось. И не столько содержание семинара, хотя оно из-за своей эмоциональности тоже сильно цепляло. Ей понравилась веселая компания, дружелюбная атмосфера, в которой она почувствовала себя своей и кому-то нужной.

А еще ей все больше и больше нравился Нэш. Он не был галантен или обходителен, но проводил с ней много времени, и не только ночью. Рассказывал про рискованные экспедиции, про экзотические страны и диких животных, которые вот-вот исчезнут с лица Земли из-за деятельности человека. Теперь Агнежка смотрела на него другими глазами, не как на источник заработка, хотя это тоже было важно, а, скорее, как на старого доброго друга, открывающего ей глаза на такой сложный и неоднозначный мир.

В родной Гданьск она вернулась почти счастливой, поправившись почти на килограмм от пива и сосисок, и с новым, более сложным планом работы. Теперь ей предстояло не только

⁵ англ. Green Peace – крупная международная неправительственная экологическая организация.

готовить краткие обзоры по экологической ситуации, но и самой искать факты нарушения экологического законодательства Евросоюза и сообщать о них Нэшу, ставшему ее куратором от Гринписа.

А фактов в некогда промышленно развитом Гданьском воеводстве было превеликое множество, и касались они в основном заброшенных, тянущихся на многие километры вдоль побережья судостроительных верфей, на которых когда-то работал ее отец.

Несмотря на огороженную территорию и пусть полусонную, но все же охрану периметра, ей удалось накопать довольно много нарушений. Горы ржавеющего металла, десятки протекающих цистерн с какими-то техническими жидкостями, незарегистрированные мусорные свалки по всей территории, слив промышленных отходов без очистки прямо в акваторию верфей.

Перечитав свой первый отчет, Агнежка сама удивилась его стройности и логичности. Он изобилует фотографиями, комментариями и даже содержит краткий анализ потенциального ущерба. Сказывалось высшее техническое образование, которому все-таки нашлось хоть какое-то применение.

Нэш был доволен, и его боссы тоже. Он сказал, что материалы будут переданы в экологическую комиссию Европарламента, контролируемую европейской партией «зеленых»⁶, а уж они во всем обязательно разберутся.

Между тем Агнежка, не особо скрываясь, продолжала свой тайный рейд по умирающим Гданьским верфям и однажды среди ржавеющих остовов сварочных цехов наткнулась на оцепленный колючей проволокой, увешанный камерами, хорошо охраняемый склад, куда рабочие в костюмах химзащиты сгружали какие-то бочки из тентованной фуры с немецкими номерами. Толком не понимая, что происходит, она включила на фотоаппарате цифровой зум и максимально приблизила изображение, чтобы рассмотреть маркировку на бочках. Тут ее заметил один из стоящих рядом с фурой охранников, и она поспешила скрыться.

Дома Агнежка скачала фотографии в компьютер и, увеличив изображение бочек, чтобы можно было прочесть маркировку, разочарованно вздохнула. Это были реагенты для снятия ржавчины с металла. Девушка все же прикрепила фотографии к очередному отчету и послала Нэшу. Все-таки реагенты рядом с акваторией. Может, тоже какое-то нарушение. Отослав материалы уже собиралась прилечь вздремнуть перед очередной ночной сменой в баре местной гостиницы, но в дверь настойчиво забарабанили. Она подошла к домофону, чтобы взглянуть, не полиция ли это, но наружная камера была то ли закрыта, то ли заклеена чем-то.

– Открывай, сучка! Мы знаем, что ты здесь, – прорычали с лестничной площадки.

Тихо ойкнув от неожиданности, Агнежка отпрянула от двери.

– Открывай, курва! А то мы все здесь разнесем! – снаружи кто-то несколько раз сильно ударил ногой в дверь, но прочная стальная конструкция выдержала.

– Панове, вы к Агнежке? – раздался скрипучий голос пожилой соседки, которая вышла на шум. – Тогда я попрошу вас не шуметь.

– Заткнись, старая кляча, и ползи в свою конуру, – рявкнул на нее один из ломившихся в дверь.

– Ах вы, грубияны. Если будете еще шуметь, я вызову полицию, – возмутилась старушка и громко хлопнула дверью.

– Говорил тебе, надо было подловить ее на улице, – прошипел кто-то снаружи.

– Идиот, нам надо забрать камеру, которой она снимала, ее смарт и компьютер, – приглушенно ответил второй и тихо продолжил: – Слушай сюда, дешевая шлюха. Ты попала в очень хреновую историю. Если откроешь нам дверь по-хорошему, отделаешься легким испугом, да еще и удовольствие получишь. Мы просто заберем камеру, которой ты снимала на верфях и трахнем тебя по разу. Если нет, то выловим тебя на улице и порежем на куски.

⁶ Влиятельная политическая партия в Западной Европе, выросшая из общественного движения за экологию.

Судорожно всхлипнув, Агнежка опустилась на стоящий в коридоре пуфик и закрыла рот руками. Она совершенно не понимала, что происходит, и не знала, как себя вести.

– Ну ладно, девка, ты нарвалась. Готовь свою задницу. Когда-нибудь ты все-таки выйдешь на улицу, – зло прорычали из-за двери, и на площадке послышались удаляющиеся шаги.

Дрожа от испуга, она заставила себя встать, прошла на кухню, из которой был виден подъезд, и, осторожно отодвинув штору, глянула вниз. Там у небольшого внедорожника стояли трое мужчин и что-то оживленно обсуждали. Потом двое забрались в машину и уехали, а один, закулив сигарету, отошел подальше и устроился на скамейке, явно собираясь наблюдать за ее домом.

Стараясь успокоиться, Агнежка сделала несколько глотков воды. «Камера. Эти бандиты говорили про фотоаппарат, которым я сегодня снимала на верфях». Она набрала номер Нэша, но он не отвечал. Тогда она послала сообщение и, усевшись за компьютер, еще раз пересмотрела все сегодняшние снимки, уделив особое внимание тем, что были сделаны на складе, где разгружали бочки с реагентами. На последнем был запечатлен заметивший ее охранник, а над ним – направленная в ее сторону камера слежения. Она тихо выругалась. Если ее так быстро нашли, значит, у этих ребят очень серьезные возможности и, значит, на этом складе происходит что-то по-настоящему опасное.

Нэш позвонил сам через несколько минут. Он молча выслушал сбивчивый рассказ Агнежки, серьезным тоном приказал никуда не выходить из квартиры и ждать инструкций. Когда она снова выглянула в окно, небольшой внедорожник снова стоял недалеко от подъезда. В нем сидели двое мужчин. Она сфотографировала автомобиль, переслала снимок Нэшу и получила в ответ короткое сообщение: «К окну не подходи. Никому не звони. Полицию не вызывай».

Остаток дня, вечер и всю ночь она, боясь включить свет или телевизор, промаялась в квартире, ругая себя за пустой холодильник, где из еды был только пакет молока и завернутый в фольгу кусочек вчерашней пиццы. Зато у нее была недопитая бутылка виски и несколько плиток шоколада, подаренных клиентами. Несколько глотков алкоголя и сладости помогли немного снять стресс и позволили пару часов поспать.

Утром она проснулась от шума снаружи и увидела на потолке красно-синие отблески. Не включая свет, она подошла к окну и, аккуратно сдвинув штору, выглянула наружу. У внедорожника, из которого наблюдали за ее подъездом, с включенными мигалками стояли полицейская машина и карета скорой помощи, куда пара санитаров грузила кого-то на носилках, пока полицейские осматривали машину и делали фотографии.

На столе тихо пискнул смарт. Стараясь не обращать внимание на бешено бьющееся сердце, она села на стул и прочитала сообщение от Нэша: «Не волнуйся. Собери все самое необходимое в небольшую сумку. Через десять минут за тобой приедет такси. У тебя через два часа рейс в Ригу. Смотри не опоздай». Она отложила смарт и растерянно осмотрелась. Какая Рига? Зачем? Что все это значит? Но потом вспомнила угрозы ломившихся в ее дверь бандитов и, решительно поднявшись, начала собираться.

Аккуратно прикрыв дверь, Агнежка вышла из подъезда и осмотрелась. Скорая помощь уже уехала. Один полицейский все еще копошился в машине бандитов, другой заполнял бланки протокола прямо на капоте. Еще один разговаривал с молодой парой, жившей в соседнем подъезде. Девушка выскользнула из подъезда и направилась к ожидавшему такси, но полицейский отвлекся от разговора и быстрым шагом направился к ней.

– Пани живет здесь? – вежливо спросил он. – Может, у пани с собой есть документы?

– Конечно, пан офицер. Я живу здесь на третьем этаже. Я опаздываю на работу, – она протянула ему паспорт и, стараясь подавить волнение, улыбнулась самой очаровательной улыбкой, на которую была способна.

Полицейский с серьезным видом пролистал документ, отсканировал смартфоном идентификационный баркод и с благодарным кивком вернул его Агнежке.

– А что случилось? – невинным голосом спросила она.

– Да какие-то два типа отравились в машине. То ли обкурились чем-то, то ли нанюхались. Оба без сознания. Из рта пена. И заблевали все вокруг. Но врачи говорят, вроде, живы. Сейчас будем разбираться. Хорошего дня вам, пани, – браво козырнув, полицейский направился к своим коллегам.

Облегченно выдохнув, Агнежка нырнула в такси и, увидев на заднем сидении незнакомца, замерла от неожиданности.

– Доброе утро. Я Збижек, из Варшавы, друг Нэша. Он просил передать вам вот это, – незнакомец достал из небольшой сумки конверт и, положив ей на колени, попросил таксиста ехать в аэропорт.

В конверте были билеты на ближайший рейс до Риги, распечатка подтверждения бронирования гостиницы и несколько купюр по сто евро.

В аэропорте Риги Агнежку встретил Нэш. Он был непривычно серьезен и немногословен и, быстро чмокнув в щеку, потащил ее к арендованной машине.

– Что происходит? – наконец, спросила она, устроившись на пассажирском сидении.

– Ты даже не представляешь, что происходит, – он ввел в навигатор адрес отеля и выехал с парковки. – Ты раскопала такое! Мы за этими бочками гоняемся по всей Европе уже несколько месяцев. Даже в Россию полезли, на Украину. А тут – раз! И такая удача.

– Что в них такого? Я проверила маркировку по интернету. Это обычный реагент для снятия ржавчины.

– Нет, девочка моя, это не реагент. Это маскировка. На самом деле там концентрат высокотоксичных отходов химического производства одной крупной, очень крупной, известной и богатой немецкой компании. Эти сволочи свозят отходы в Гданьск, чтобы втихую захоронить в Атлантике, а может, даже просто сбросить где-нибудь рядом в Балтийском море. Но теперь они попались! – Нэш довольно улыбнулся и ободряюще посмотрел на подругу. – Ты настоящий молодец, и тебя ждет очень приятный бонус.

– Я рада, что смогла помочь. Только очень испугалась, когда эти бандиты...

– Мы сами не думали, что все крышуют местные бандиты. Хорошо, что у них не хватило мозгов перехватить тебя на улице. Тогда мы могли бы не успеть.

– А что с ними? У моего подъезда всю ночь дежурила их машина. А утром приехала полиция, скорая помощь.

– Нам пришлось вызвать подкрепление из Варшавы, чтобы их нейтрализовать. Мы называем этих ребят «Зеленый патруль». Это активисты, которые прошли специальную подготовку и используются, когда нам необходимо силовое вмешательство. А это в последнее время бывает довольно часто.

– То есть это вы их отравили? – Агнежка удивленно посмотрела на своего друга.

– Да не бойся ты, – ободряюще улыбнулся он. – Это был рвотный газ. Тошнота, головокружение, потеря сознания. Ничего страшного. Жить будут.

– И что вы теперь собираетесь с этим материалом делать? Передадите в Европарламент?

– Не знаю. Может быть. Это не мой уровень. Пусть боссы решают. Но мы теперь этих химиков крепко держим за яйца, – он игриво улыбнулся и положил ей руку на колено. – А тебя ждет ночь любви и повышение.

Через пару лет, когда Агнежка поднялась достаточно высоко по карьерной лестнице Гринпис, она узнала судьбу гданьских материалов. Их не передали в комиссию Европарламента по экологии. Химический концерн, которому принадлежали токсичные отходы, заплатил организации несколько десятков миллионов евро за то, чтобы не предавать этот случай огласке.

Оказалось, шантаж нарушителей экологического законодательства Евросоюза был одним из основных источников дохода организации.

Но это все выяснилось через пару лет. А до этого были интенсивные курсы специальной подготовки профессиональных активистов. Потом интересные и опасные экологические акции на море и на суше. В Бразилии они блокировали лесозаготовки, из-за которых вырубались амазонские джунгли. В Канаде организовывали местных индейцев, чтобы перекрыть идущий в Америку нефтепровод. У берегов Антарктиды на «Радужном воине⁷» гонялись за японскими траулерами, ведущими добычу китов. В Баренцевом море они схлестнулись с русскими, которые с буровых платформ добывали в Арктике нефть.

Жизнь для Агнежки, наконец, обрела смысл. У нее появились настоящее дело, настоящие друзья и настоящая семья. Они с Нэшем поженились через два года после их первого знакомства и, хотя работа в организации порой разбрасывала их по разным континентам, были по-настоящему счастливы.

Пока Нэш не погиб.

Его группа блокировала в Англии железную дорогу, по которой должны были транспортировать в порт Ипсуич ядерные отходы, чтобы отправить на захоронение в Украину. Акция была организована, как обычно, безукоризненно, с привлечением местных активистов и ребят из Восточной Европы. Международная пресса, телевидение, оппозиционные политики, депутаты Европарламента от «зеленых» – все наблюдали, как полиция пытается убрать с железнодорожных путей несколько десятков приковавших себя к рельсам цепями и наручниками активистов и разогнать устроенный рядом палаточный лагерь группы поддержки. Шума было много, освещение в СМИ – великолепное. Даже министр энергетики пообещал лично выслушать делегацию протестующих и провести переговоры с компанией, которой принадлежали ядерные отходы. События развивались по самому выгодному для Гринпис сценарию: эшелон остановили, железку разблокировали, палаточный лагерь сняли, начались переговоры. Все говорило о том, что владельцы атомных станций готовы отвалить солидный куш, чтобы экологи от них отстали. Но на следующий день неизвестные выловили поодиночке и до полусмерти избili всех организаторов акции. Полицейское расследование пришло к выводу, что это сделала албанская мафия, а поводом якобы послужило то, что Нэш и его люди не вернули им долг за наркотики. В ведущих английских СМИ, как по команде, по этому поводу поднялась нешуточная шумиха, и на Гринпис полились ушаты бездоказательной грязи.

Забить косячок в среде активистов было делом обычным. Но существовало несколько жестких правил – никаких тяжелых наркотиков, а во время акций – никаких наркотиков и алкоголя вообще. Поэтому Агнежка не поверила в полицейскую версию. Не поверили в нее и руководители региона и послали «Зеленый патруль» во всем разобраться. Те вышли на бандитов, напавших на Нэша, и выбили из них правду: албанцы действовали по заказу какой-то мощной правительственной организации. Это значительно усложняло ситуацию, потому что Гринпис старался избегать прямых конфликтов с правительствами западных стран. «Зеленый патруль» отозвали, а через несколько дней английская полиция устроила рейд по албанцам, арестовав и поместив в специзоляторы более тридцати человек.

Нэш в это время был в больнице с многочисленными переломами ребер и сотрясением мозга. Парень он был здоровый и наверняка бы быстро поправился, но одна из медсестер, албанка, «перепутала дозировки» и сделала ему смертельную инъекцию обезболивающего.

Подавленная горем Агнежка да и все остальные в регионе понимали, что это было убийство. Юристы выторговали у государства миллионную компенсацию, албанку посадили, но Нэша было уже не вернуть. Девушка пыталась убедить региональных боссов, что убийство активиста нельзя оставлять безнаказанным, что надо отомстить албанцам, но те только грустно

⁷ англ. Rainbow warrior – общее название для судов, принадлежащих Гринпис.

качали головами. Война с мафией, албанской или какой-либо другой, никак не входила в их планы.

Тогда она, сжав от злости зубы, ушла в себя, но продолжала участвовать в экологических акциях и всем видом показывала, что смирилась с потерей. На самом деле Агнежка решила, что Гринпис – это пройденный этап. Теперь она готовила себя к чему-то большему.

Вспомнив то чему учили на курсах, двушка день за днем тщательно подбирала тех из активистов, кто способен на нечто более серьезное, чем размахивание плакатами перед толпой журналистов. Она искала людей, для которых экология была лишь поводом для реализации своего спящего потенциала, тех, кто пришел в организацию за адреналином и считал действия руководства чересчур мягкими. А таких людей в Гринпис было немало.

Понемногу она стала собирать костяк из десятка человек, с которым проводила самые сложные акции. В течение года они неплохо притерлись друг к другу и превратились в хорошо сбитую команду.

И вот настал момент, когда Агнежка, наплевав на распоряжение руководства, провела одну из акций в своем формате.

Руководство поручило блокировать проходную старенького, дышащего на ладан химзавода в Румынии, на котором не было установлено соответствующее европейским стандартам очистное оборудование. Она организовала местных активистов, устроила шумный пикет, который довольно быстро разогнала полиция. На следующий день акция повторилась с тем же результатом. И на следующий тоже. В конце концов, журналисты окончательно потеряли к пикету интерес. На этом этапе по инструкции ей надо было свернуть акцию, но она, распустив местных, перебралась в соседний город с парой своих надежных ребят. Через два дня на заводе взорвалось хранилище-отстойник с токсичными отходами и всю территорию залило ядовитой вонючей жижей. В десятикилометровой зоне объявили эвакуацию, для устранения прибыли войска химической защиты, а вслед за ними – внушительная комиссия из Евросоюза. Завод закрыли, оставив вокруг него километровый санитарный кордон, а несколько чиновников из правительства отправились за решетку за то, что разворовали европейские гранты на строительство очистных сооружений, выделенные для румынских предприятий.

Хотя следствие из-за невозможности надлежащим образом осмотреть место аварии еще не сделало однозначных выводов в пользу теракта, многие специалисты даже по фотографиям повреждений хранилища говорили о том, что причиной аварии была детонация внешнего взрывного устройства. Поняло это и начальство Агнежки и без особых разговоров выбросило ее вместе с командой из организации. Так появилась группа экологических экстремистов, у которой даже названия не было. По аналогии с Аль-Каидой они сами себя называли просто «ячейка».

Денег, полученных в виде компенсации за смерть Нэша, хватило на организацию фирмы прикрытия с реальным офисом, оргтехникой, секретарями и подставным директором. Их компания, конечно же, занималась консультациями в области экологии. А дальше Агнежка применила схему, которую успешно использовал Гринпис. Они искали крупные предприятия, нарушающие экологические нормы, собирали на них материал, а потом шантажом выбивали из их руководства деньги. Работали они в основном в Восточной Европе. Там директора, привыкшие «решать вопросы» за деньги, охотнее шли на контакт, потому что им было выгоднее отсчитать несколько десятков тысяч «экологическим консультантам», чем платить сотни тысяч в виде штрафов или вообще рисковать закрытием предприятия.

Когда попадались особо упрямые клиенты, которые отказывались сотрудничать, материалы шли в комиссию Европарламента по экологии, с которой у Агнежки еще со времен работы в Гринпис установился неплохой контакт. В этом случае директора очень жалели, что не приняли ее предложение сразу. Если особенно «жирный» клиент – крупное предприятие, с которого можно было снять хорошие деньги, – отказывался платить, у него на производстве

что-нибудь взрывалось. Вначале что-то мелкое, не причиняющее большого ущерба, затем шел взрыв покрупнее. Обычно двух предупреждений хватало и деньги исправно оседали на счетах «экологических консультантов».

Фирму несколько раз проверяли, но контракты с предприятиями, платившими за консультации по экологии, и бухгалтерия были в порядке, а связь с Агнежкой и ее командой отследить было невозможно. Поняв, что такая мелочевка не стоит волны негатива в прессе, кричащей о притеснении «экологов», полиция свои набеги прекратила.

Со временем, акции становились все более дерзкими, предприятия – все более крупными, а откупные суммы – все более значительными. Так могло продолжаться довольно долго, до тех пор, пока их не отловила бы чья-нибудь служба безопасности или какой-нибудь сознательный директор не рискнул бы обратиться в полицию. Но произошло событие, полностью изменившее статус «ячейки».

В одно теплое летнее утро, когда Агнежка, сидя в кафе, баловала себя капучино с пирожным и лениво прокручивала в голове детали спланированной на следующую неделю акции, к ней подсел добродушно улыбающийся китаец.

– Привет, Гнеш, – поздоровался он, как будто они расстались только вчера. – Не боишься поправиться?

Сдержанно улыбнувшись в ответ, она сняла темные очки и удивленно посмотрела на неожиданного гостя.

– Привет, мастер Гао. Какими судьбами? Только не говори, что тебя послали боссы, чтобы капать мне на мозги.

Гао Лэй когда-то был хорошим другом Нэша. Ребята познакомились в университете, вместе примкнули к Гринпис и не раз вместе участвовали в рискованных акциях. Потом мастер Гао, как его звали в организации за то, что он был китайцем и неплохо владел кунг-фу, перешел в управление региона, отвечавшего за Азию, и пропал из поля зрения.

– Вовсе нет, – развел руками китаец. – Я сам искал с тобой встречи. И скажу, что выйти на вас было совсем непросто. Фирма ваша чиста, а отследить перемещения твоей команды по Европе ой как сложно. Самолетами и железкой вы не пользуетесь, чтобы не светить паспорта, передвижение только на машинах. Где вас этому научили? На начальных курсах Гринпис такого не преподают.

– Брось трепаться, – почувствовав, что Гао знает о «ячейке», отрезала Агнежка. – С чем пришел?

– С предложением, – поняв, что вступление окончено, посерьезнел китаец. – С очень заманчивым предложением.

– Выкладывай. Только давай самую суть. А то, знаешь, я плохой слушатель.

– Мы хотим предложить тебе и твоим людям работу. Так сказать, нанять всю вашу «ячейку» на один очень серьезный проект. За хорошую плату, конечно.

– Боссы знают о «ячейке»? – недоверчиво блеснув глазами, спросила она.

– Гринпис? Нет. Они ничего о тебе не знают. Хотя несколько раз после того, как вы рэкетнули предприятия, они ставили на ваш след «Зеленый патруль». Но вы хорошо умеете заматывать следы, – он подозвал официанта и заказал стакан минеральной воды. – Я здесь представляю людей, не имеющих к Гринпис никакого отношения.

– Что за работа? – спросила напрямую Агнежка, которой хотелось побыстрее закончить разговор.

– Речь пойдет об одном научном объекте и работающих на нем ученых, – китаец сделал глоток воды.

– И что с ним не так?

– Из-за их экспериментов наша планета может погибнуть. Нам надо, если не остановить, то хоть как-то привлечь к ним внимание общественности, чтобы притормозить их программы.

– Кому нам? – Агнежка, прищурившись, поймала его взгляд.

– Китайским экологам, – невинно улыбнувшись, ответил Гао. – Очень богатым китайским экологам, которые хотят остановить глобальную катастрофу.

Так «ячейка» стала работать на китайцев и через пару недель получила первое задание по расстрелу краской супружеской пары ученых на женевской дороге.

США. Вашингтон

Помощник президента США по науке Хайден выглядела очень обеспокоенной и даже немного нервной. Это сразу бросалось в глаза, и Бэйтс с первых же минут разговора попытался ее успокоить.

– Джейн, ну не терзай ты себя так, – он поставил перед ней кружку кофе со щедрой порцией сливок. – Землетрясения, полюса... Рассосется все это. Ты сама говорила, что активность уже пошла на спад. Что бы там ни случилось, мы справимся. Мы же Америка.

– Боюсь, сейчас все может оказаться сложнее. Мы даже не знаем, с чем точно имеем дело.

– Тогда давай разбираться, – глава МНБ уселся напротив нее за небольшой стол для переговоров, стоящий в углу кабинета. – Итак. Что мы имеем?

– Не буду повторять то, что вы уже знаете. Расскажу только новые факты, – Хайден отодвинула кружку с кофе в сторону и выложила на стол планшет. – Проанализировав сейсмическую активность и смещение полюсов, ученые пришли к выводу, что земное ядро по какой-то причине деформировалось. Центр его тяжести сместился, и с одной его стороны образовалась выпуклость, что привело к сдвигу оси и, соответственно, полюсов. Поскольку скорости вращения ядра, мантии и земной коры разные, ученые прогнали модель смещения с тем, чтобы выяснить его первоначальный вектор, – она вывела на интерактивный настенный экран динамическую схему строения Земли. – Этот вектор указывал на северную часть Восточного полушария. Изменения в ядре такого масштаба могли быть спровоцированы только изменением в гравитационном поле, поэтому мы обратились к астрономам *NASA* за помощью. Они тоже заметили, что с гравитацией произошло что-то необычное, но масштаб их наблюдений был гораздо больше. Дело в том, что незначительно изменились угловые скорости, а следовательно, и орбиты внутренних планет Солнечной системы.

– Каких планет?

– Тех, что находятся ближе к Солнцу: Меркурий, Венера, Земля и Марс. Изменилась также орбита Луны. И все эти изменения по времени совпали с началом сейсмической активности, вспышкой на Солнце и смещением полюсов. Пока *NASA* работало над сложной моделью, чтобы вычислить центр гравитационной аномалии, мы обратились в Хэнфорд в *LIGO*⁸. Там, кроме интерферометра, стоит сложная система детекторов. Они тоже зафиксировали значительное скачкообразное повышение гравитационного поля.

– А почему они сразу вам об этом не сообщили? – подняв брови, спросил Бэйтс.

– Мониторинг научных событий не входит в область моей ответственности. Я лишь советник президента по науке. Каждый день в мире происходят сотни событий такого уровня, и отследить их все очень сложно. Но физики из *LIGO* связались со своими коллегами из других стран. Похожие детекторы есть в России, Европе и Китае. Те тоже подтвердили, что зафиксировали необычный всплеск гравитации. Все это послужило подтверждением тому, что причиной необычных явлений последней недели стал скачок гравитации внутри Солнечной системы.

– И что же его вызвало?

– Земля. Проанализировав изменения орбит планет, ученые *NASA* определили, что центром гравитационного всплеска является Земля.

– Как это? – удивился глава МНБ.

– Слушайте дальше, – Хайден сделала глоток остывающего кофе и продолжила: – К этому времени сейсмологи получили новый массив данных. Оказалось, что литосферные плиты, на которых располагаются континенты, тоже пришли в движение. Они одновременно сместились на несколько сантиметров.

⁸ англ. Laser Interferometer Gravitational-Wave Observatory – лазерный интерферометр гравитационных волн.

– Это из-за деформации земного ядра?

– В том числе, но не только. Астрономы указали на Землю как центр гравитационного возмущения. Модель геофизиков говорит о том, что земное ядро деформировалось в направлении северной части Восточного полушария. А сейсмологи по векторам смещения литосферных плит вычислили, какая именно точка является центром гравитационной аномалии.

– И какая же?

Не говоря ни слова, Хайден вывела на экран карту Европы, нашла курсором на ней точку, увеличила масштаб, чтобы показать страну, затем увеличила еще, чтобы показать город, и еще раз, чтобы вывести на экран схематическое изображение объекта.

– Твою мать! Я так и знал, что они доиграются, – не стеснясь, выругался глава МНБ. Он достал свой смартфон и набрал личный номер директора ЦРУ. – Стив, дружище, у нас, похоже, назревает чрезвычайная ситуация глобального масштаба. Собери для меня максимум информации по своим каналам и будь готов к совещанию у президента. Все намного серьезнее, чем мы предполагали. Цель – Большой адронный коллайдер рядом с Женевой.

Швейцария. Пригород Женевы. Научный Центр ЦЕРН

По настоянию полиции в целях безопасности Ника с семьей временно поселили в небольшом гостевом доме, расположенном на охраняемой территории научного центра. Лиз все еще находилась в шоке от случившегося, не отпускала дочку от себя ни на шаг, испуганно шарахалась от любого громкого звука и часто вскрикивала по ночам. Доктора посоветовали колоть сильное успокоительное, но Ник решил по-другому и отправил ее к своим родителям во Францию.

У стариков в долине Луары был небольшой, стоящий на взгорке домик, построенный лет двести назад кем-то из местной знати. Мастерски сложенный из природного камня дом своей аккуратной башенкой, покрытой древней замшелой черепицей, ажурными беседками по углам и крошечным флигельком был больше похож на сошедший со страниц доброй сказки замок лесной феи. Вокруг располагался обширный участок земли, где был разбит виноградник, фруктовый сад и тихо дремлющий в окружении древних ив, наполовину заросший пруд, в котором водились огромные карпы. Жена с дочкой любили это место, и Ник надеялся, что там, в тишине, окруженная заботой его родителей Лиз отойдет от пережитого шока быстрее, чем от лекарств.

Была и еще одна причина, по которой Ник хотел отправить жену подальше от научного центра. После разговора с комиссаром полиции у него появилось устойчивое чувство опасности, иногда перераставшее в откровенную паранойю. Он стал задумываться над вещами, которые раньше не приходили в голову. Правильно ли то, чем они занимаются? Понимают ли они, что делают? А что, если эти экологи-экстремисты правы и эксперименты на коллайдере станут все более и более опасными. И комиссар... Ведь он тоже прав, ученые так и не смогли объяснить внезапное обрушение электросети кантона Женева. Нет объяснения и ее самостоятельному восстановлению. А это явление в небе над ускорителем, похожее на мерцающее северное сияние, которое так взбудоражило горожан. Его природа тоже пока не ясна.

В дверь позвонили, и Ник от неожиданности вздрогнул. «Черт возьми, мне тоже надо было уехать вместе с Лиз и дочкой на Луару успокоить нервы», – подумал он и, отодвинув клавиатуру, направился ко входной двери.

– Что ты сонный такой? – спросил Майк, без разрешения вваливаясь в небольшую прихожую. – Доктора, небось, пичкают тебя всяким дерьмом, чтобы снять стресс.

– Да нормально я, – он принял у гостя мокрый от дождя плащ и сделал жест в сторону гостиной. – Проходи. Сейчас я сделаю кофе.

– Да-а, старик. Досталось вам с Лиз. Никому не пожелаешь, – Монтини уселся в кресло за журнальный столик. – Я слышал, этих отморожков уже взяли.

– А они особо и не скрывались, – отозвался хозяин из кухни. Им публичность только на руку. Телевидение, Интернет... А ты видел, как их адвокаты работают. Видел, как они насаждают на коллайдер. Такое ощущение, что они все физфак закончили.

– Наезд, конечно, на нас пошел серьезный, – кивнув, согласился итальянец. – Такого не было с самого запуска. Я слышал, нападавшие могут отделаться условным сроком за хулиганство. Типа, это шутка была такая.

– Не знаю. Пусть решает суд. Держи, – Ник выставил с небольшого подноса на стол пару чашек капучино, хрустальную розетку с кусочками черного горького шоколада и пузатую рюмку, наполовину наполненную коньяком.

– Спасибо, друг, – Монтини с удовольствием понюхал коньяк, сделал небольшой глоток и достал свой смартфон. – Я тут немного поковырялся с твоим уравнением. Вернее, с искусственной симуляцией условий, при которых оно может быть возможно.

– И до чего доковырялся?

– Две вещи. Первое: ты сделал в расчетах небольшую ошибку, потому что вывел уравнение из формулы и рассматривал его отдельно. На самом деле гравитационная переменная в скобках является производной от энергии и массы вот в этом куске в первой части уравнения, – он повернул смартфон к Нику и показал на экран. – И если мы приведем все в соответствие, то отрицательное значение функции времени, на которое ты вышел, будет стремиться к нулю.

– Значит, время все-таки не течет вспять, – разочарованно вздохнул Ривье.

– Нет, не течет. Но оно замедляется. И, если хоть что-то в этом уравнении верно, мы можем попытаться описать то, что произошло во время прошлого эксперимента.

– Черт возьми, Майк, ты хочешь применить законы макромира на квантовом уровне.

– А иначе это не объяснить. Когда ты во время прошлого эксперимента выравнивал вектора столкновения протонных пучков, увеличилась энергия столкновения и, скорее всего, эта дополнительная энергия перешла некое пороговое значение, после которого тут же превратилась в колоссальную массу, изменившую вокруг себя гравитационное поле настолько, что замедлилось время в этом объеме пространства.

– Но ведь это означает...

– Это означает, доктор Ривье, что ты вычислил квантовую черную дыру. И наши детекторы ее не зарегистрировали только потому, что, появившись, она сразу же поглотила все производные частицы после столкновения пучков, замедлила время в ограниченном пространстве вокруг себя и осталась в прошлом, тогда как все остальное вокруг пошло с обычным течением времени в будущее. Это объясняет, почему после эксперимента мы ничего не зафиксировали и не смогли свести масс-энергетические значения. Черная дыра утащила часть массы и энергии с собой в прошлое.

– Это всего лишь очередная теория, – Ник с сомнением посмотрел на приятеля. – И доказать ее, основываясь на тех обрывках мыслей, что сейчас приходят мне в голову, будет практически невозможно.

– Я тебе уже говорил. Оставь формулы очкастым занудам. Ты практик, а это, – итальянец постучал пальцем по экрану смартфона, – будет лучшим доказательством. Тебе надо просто запустить детектор за 81 час до эксперимента, и если ты прав, то зафиксируешь свою дыру. Она появится там на миллионную долю наносекунды и снова уйдет в прошлое или испарится, как рассчитал старик Хокинг⁹. В любом случае она вызовет такие возмущения, что не заметить их на детекторе будет невозможно.

– Тогда почему мы не зарегистрировали возмущений при ее появлении в прошлый раз?

– Почему не заметили? А падение энергии, а выход из строя нескольких блоков на детекторе, а потеря сверхпроводимости в ближних магнитных контурах, а рост вакуума в кольце? А это странное сияние над ускорителем. Может, есть и еще проявления, но мы просто не знаем, как их интерпретировать.

– Хм... – в сознании Ника размытым отблеском мелькнула мысль, абсолютно не связанная с физикой, но мозг уже был полностью поглощен раскручиванием теории, только что предложенной итальянцем, и не хотел разбираться в чем-либо другом. – То есть ты считаешь, что нам надо включить детектор в момент, на который выводит нас уравнение?

– Да. Тогда, если все будет так, как описано в твоём уравнении, мы получим результат. Мы поймем дыру в прошлом. Если нет, будем копать дальше. Хотя, ввиду некоторой субъективности значений, которые ты ввел в уравнение, я бы дал детектору поработать некоторое время. Кто знает, может событие произойдет раньше или позже столкновения. Да и какой реально будет коэффициент замедления времени при образовании дыры, мы тоже точно не знаем.

⁹ Стивен Хокинг – английский физик-теоретик.

– Майк, кто нам разрешит включить детектор на холодном ускорителе? – Ник встал, прошел на кухню и вернулся с рюмкой коньяка.

– Ну, тут надо будет поработать, – Монтини сделал глоток кофе. – Можно, конечно, полезть напролом через ученый совет, но я предлагаю нам вдвоем вначале сходить к директору.

– Нам? – поднял брови Ник. – Ты тоже хочешь связаться в это? Это ведь все ненаучно. Тебя могут поднять на смех.

– Чел, не беспокойся, насмешки дилетантов я как-нибудь выдержу. И еще. Если все выгорит, вся слава достанется тебе. Но... – итальянец перегнулся через стол и похлопал приятеля по плечу, – с моей поддержкой тебе будет легче уговорить босса, потому что я смогу подвести под все это хоть какое-то подобие теории. Дальше тебе все равно будет нужен теоретик, чтобы проанализировать результаты, какими бы они ни были, а лучшего мастера, чем доктор Монтини, я в округе не наблюдаю. И, наконец, я теперь просто хрен с тебя слезу, пока мы не доведем все до конца, каким бы он ни был.

– Да я и не беспокоюсь о славе. Я просто хочу во всем разобраться. Я не думал, что ты решишь связаться в эксперимент из области псевдонауки.

– Псевдо или нет, мы еще посмотрим, – Майк придвинул кресло поближе к столу. – А теперь тащи лист бумаги, давай подготовимся ко встрече с директором.

* * *

Директор коллайдера, почетный ректор Горингендского университета в Нидерландах доктор Уве Ван Перрен, не скрывая сомнения, покусывал губу, хмурился и скептически хмыкал. Он уже несколько минут всматривался в листок плотной бумаги, который положил перед ним Ник, и то, что он видел, ему явно не очень нравилось.

– Дайте-ка я попробую суммировать все, что от вас услышал, и то, что вы здесь наваляли, – он, наконец, положил лист на стол и поднял глаза на собеседников. – Вы хотите сказать, молодые люди, что очередное озарение навело вас на мысль, что в результате изменений, внесенных доктором Ривье в вектора столкновения пучков, возникает дополнительная энергия, провоцирующая появление квантовой черной дыры, которая создает микроскопическую гравитационную аномалию, изменяющую в своем объеме структуру пространства-времени. Из-за этого ЧД¹⁰ остается в прошлом, а вне этой аномалии время продолжает течь как обычно, не давая нам зарегистрировать ее нашими детекторами.

– Да. Именно потому после столкновения мы теряем часть массы и энергии распада протонов. Они идут на формирование дыры, – стараясь звучать как можно убедительнее, пояснил Ник.

– Занятно. Очень занятно, – Ван Перрен в задумчивости посмотрел в окно, где в давно опустившейся темноте моросил мелкий декабрьский дождь. – Вот, что я вам скажу: все это вполне может быть. С другой стороны, этого вполне может и не быть. Ваши мысли довольно необычны и очень интересны, но они никак не тянут даже на рабочую теорию. Материал вообще довольно сырой. Я бы порекомендовал вам над ним еще хорошенько подумать, проанализировать несколько рабочих циклов на коллайдере, подсобрать фактуру...

– Доктор Ривье вовсе не претендует на законченную теорию, – включился в разговор Майк. – Конечно, мы этим всем будем заниматься. Но, возможно, есть способ срезать углы.

– То, что вы, доктор Монтини, поддерживаете своего друга, несомненно, придаст веса его исследованиям. Но, согласитесь, материал действительно сырой и, боюсь, срезание углов здесь не поможет, – покачал головой Ван Перрен.

¹⁰ Черная дыра.

– Ну почему же, Уве? Если мы экспериментальным путем зарегистрируем рождение квантовой черной дыры, все станет на свои места, – мило улыбнулся Майк.

– Экспериментальным путем? – старый ученый немного поморщился. Хотя в центре обращение друг к другу по имени поощрялось, ему не нравилось, когда этот молодой итальянский выскочка звал его «Уве». – Но, судя по вашей э... теории, зафиксировать появление КЧД¹¹ в нашем времени нельзя. Она ведь остается в прошлом.

– В прошлом мы ее и поймает, – не переставал мило улыбаться Майк. – Доктор Ривье, покажите нашему научному руководителю доработанное вами уравнение.

Не проронив ни слова, Ник выложил на стол еще один лист бумаги, где была выведена его формула с подставленными значениями.

– Хм... Откуда это у вас? Эти значения не имеют смысла. Судя по всему, вы взяли их с потолка, – директор Центра непонимающе посмотрел на француза.

– У нашего коллеги было еще одно просветление, – видя, что Ник ступешался, Монтини сам решил вести разговор. – Как при прошлом запуске коллайдера. Помните?

– Помню. Неделю назад. Тогда вы убедили меня изменить программу работы магнитов ускорителя на участках перед детектором. Это позволило выровнять встречные вектора протонных пучков практически в прямую линию и увеличить энергию столкновения. Результат был ошеломляющий. Мы до сих пор систематизируем новые данные и совершенствуем ваши расчеты, чтобы вывести столкновение пучков на идеальную прямую. Тогда его энергия будет еще больше.

– Да, босс, насчет результата вы правы, – одобрительно кивнул Майк. – Так вот значения калибровки магнитных полей доктору Ривье пришли в голову тоже в результате просветления. И я позволю себе предположить, что во время прошлого запуска коллайдера, когда вы выровняли вектора пучков по схеме Ника, у нас тоже появилась квантовая черная дыра. Мы просто не смогли ее обнаружить, хотя и зафиксировали странную гравитационную аномалию и энергетический выброс неизвестной природы, который обрушил региональную электросеть.

– Невероятно, – голландец с сомнением посмотрел на Ника. – И что же вы хотите на этот раз?

– Это уравнение выводит нас на временное значение, которое с большой долей вероятности совпадет с появлением черной дыры в прошлом. Если нам известно время столкновения, то, применив коэффициент, предложенный Ником, мы в этом самом прошлом можем нашу дыру зафиксировать, запустив детектор на холодном ускорителе. Так, если следующий пуск коллайдера планируется через десять дней, а именно 17 декабря в 10.00, то, чтобы зафиксировать черную дыру, нам надо запустить детектор на 81 час раньше. То есть 14 декабря в час ночи.

– Постойте... – Ван Перрен поправил на переносице массивные очки. – Если время в пространстве вокруг дыры замедляется и она остается в прошлом по отношению к детектору, который живет по обычному времени, то он должен засесть ее и за 5 секунд до столкновения протонных пучков, и за минуту, и за час. Зачем запускаться на 81 час раньше?

– В этом весь вопрос, – развел руками Майк. – По теории, излучение Хокинга должно испарить КЧД в момент ее образования, но частиц, которые должны возникнуть в результате этого испарения, мы не наблюдаем. Отсюда три вывода... Либо испарение не происходит, а значит идет обратный процесс и дыра начинает поглощать окружающую материю со всеми вытекающими последствиями, которые бы мы наверняка зафиксировали. Либо произошло вскрытие пресловутого дополнительного микроизмерения, и между ним и дырой происходит обмен массой и энергией. Еще, как вариант, происходит явление, которое мы пока не в состоянии объяснить, но которое не позволяет зафиксировать движение дыры в прошлое на раннем этапе. Уравнение Ника указывает на 81-й час до столкновения. Как он вышел на эту цифру, мне тоже

¹¹ Квантовая черная дыра.

непонятно, но вполне возможно, что это и есть время испарения КЧД. Если это так, то мы сможем ее зарегистрировать.

– Возможно... Непонятно... Не в состоянии объяснить... – голландец недовольно нахмурился. – У вас, молодые люди, один туман и никакой конкретики. Вот выложите мне все это на бумаге в виде стройной теории. Дайте пару месяцев на изучение. Сделайте презентацию на совете ЦЕРН. Опубликуйте в научных изданиях. Вступите в полемику с оппонентами. Тогда у вас будет вполне достойное основание на проведение эксперимента.

– Доктор Ван Перрен, – тяжело выдохнул Майк и чуть подался вперед, – вам ли не знать, что вся квантовая физика – это сплошные «возможно... непонятно... не в состоянии объяснить». Мы до сих пор ни хрена толком не знаем о квантовом мире, а то, что думаем, что знаем, не больше чем горстка разрозненных теорий, большинство из которых не подтверждены экспериментами и из-за этого больше похожи на бред, создающийся только для того, чтобы потешить самолюбие их авторов. Мы вам предлагаем малой кровью вскрыть целый пласт информации, который, наконец, сможет подвести хоть какую-то по-настоящему научную базу под этот цирк, называющийся сейчас квантовой физикой. Это, конечно, если все произойдет так, как описал Ник. Поверьте, во время прошлого запуска мы столкнулись с чем-то необычным. Природу этого мы не можем объяснить. Да никто толком и не пытается это сделать. Но уравнение доктора Ривье дает нам шанс. Пусть вероятность, что случится именно то, что просчитал Ник, довольно мала, но возможный результат стоит того, чтобы это проверить.

– Поймите, молодые люди, на запуск детектора необходимо разрешение ЦЕРН. Это один из самых сложных измерительных приборов в мире, – голландец бессильно развел руками. – Боюсь, это выше моих полномочий. Особенно учитывая тот факт, что в результате прошлого запуска, проведенного по расчетам доктора Ривье, у нас уже вышло из строя несколько сенсорных групп.

– Твою мать! – выругался Майк, чувствуя, что они зашли в тупик. – Должен же быть какой-то выход.

– Э... Секунду, – Ник резко поднял руку. – Детектор ведь сейчас на обслуживании? Идет настройка новых сенсоров?

– Да, – согласно кивнул Ван Перрен.

– Когда все будет собрано, его ведь надо будет протестировать? А что, если провести тесты за 81 час до запуска коллайдера?

– Гениально! – Майк вскочил с кресла, подошел к стоящей у стены кофе-машине и, нажав кнопку «капучино», резко обернулся. – Конечно! Можно прогнать детектор в тестовом режиме во время, указанное Ником. И не надо никаких разрешений!

– Это интересно... – профессор снял очки и помассировал переносицу. – В этом случае разрешений действительно не надо. Хм... Детектор должен пройти несколько циклов в тестовом режиме, и заключительный прогон можно провести как раз тогда, когда вы хотите.

– Спасибо, доктор Ван Перрен, – довольный Майк слизнул кофейную пенку с губ и протянул руку пожилому ученому.

– Эй! Эй! Еще ничего не решено. Я просто сказал, что это возможно. Здесь надо все согласовать с доктором Гринбергом. Он отвечает за детектор.

– Но, если Давид... э... доктор Гринберг не будет возражать, вы дадите согласие? – не унимался Майк.

– Не надо никакого согласия, молодые люди. Если Гринберг мне принесет измененный график испытаний детектора, я просто его подпишу.

– Еще раз спасибо за помощь и понимание, доктор Ван Перрен. Вы первые получите отчет об эксперименте, если, конечно, не пожелаете присутствовать при нем лично.

Когда молодые физики вышли из кабинета, голландец некоторое время неодобрительно смотрел на недопитую Майком бумажную чашечку с капучино, оставленную на сверкающей

стерильной чистотой стеклянной поверхности его рабочего стола, затем достал спутниковый телефон и, выбрав защищенный канал, нажал на кнопку вызова.

– Рад вас слышать, профессор, – услышал он голос с легким американским акцентом.

– Все. Машина запущена.

– Кто? – прозвучал в трубке короткий вопрос.

– Николя Ривье из группы доктора Андерсена.

– Да? Значит, сработало и второй раз. Теперь будем ждать результат.

– Да. Теперь будем ждать результат, – эхом отозвался доктор Ван Перрен и нажал красную иконку окончания разговора.

В широком коридоре доктор Ривье остановил итальянца и с благодарностью пожал ему руку.

– Спасибо, Майк. Без тебя я бы никогда старика не уломал.

– Да ну? А по мне так всю работу сделал ты. Идея с тестовым прогоном твоя. Ничего такого в том, что детектор включится в нужное для нас время, нет, и ответственности Ван Перрен на себя никакой не взял. Если случится что, во всем будет виноват Гринберг, – Монтини по-дружески похлопал Ника по плечу и развернул его в сторону лифтов. – Я вот на что обратил внимание. Старик совсем не удивился, увидев наши вычисления. Да, он вздернул брови и изобразил кислую мину, но у меня создалось впечатление, что он уже видел твое уравнение.

– Не мог он его видеть. Ты первый, кому я его показал. Ну, Лиз еще видела и Тата в ресторане.

– Вот-вот, и я о том же. Но все же странная реакция, – они вошли в лифт, и итальянец непривычно серьезным взглядом посмотрел в глаза приятелю. – Не кажется ли тебе, что вокруг коллайдера закручивается какая-то дурно пахнущая история?

– Брось. Это все шпионские бредни, – лениво отмахнулся Ривье. – Зачем мы им? У нас чистая наука. Кварки, глюоны, мезоны... Кому кроме нас нужна эта дребедень?

– А экотеррористы? А волна негатива в СМИ? А усиление охраны Центра? А нападение на тебя с Лиз?

– Это все разрозненные факты. Негатив подпитывают Штаты, потому что ЦЕРН не пускает их в нашу программу исследований. С террористами все тоже предельно ясно. Они считают, что наши эксперименты могут привести к концу света, и перешли к более радикальным действиям. Отсюда и усиление охраны.

Они вышли из лифта и остановились у стойки службы безопасности, за которой находились рамки металлодетекторов и просторное, уставленное большими вазонами с пышной зеленью фойе с несколькими группами кресел для посетителей. Ник приложил свою электронную идентификационную карту к считывающему устройству. Один из охранников одобрительно кивнул и пожелал им хорошего вечера.

– Еще не так поздно, – Майк глянул на часы и направился к двери. – Я знаю отличный ресторанчик здесь недалеко, в Сатини. Пошли, пропустим по стаканчику. Отметим удачный разговор со стариком. Ты все равно один. Даже ужин приготовить некому.

– Неплохая мысль. Мне бы пара бокалов красного не помешала. Я после него лучше сплю.

Улыбнувшись в предвкушении хорошего ужина, Ник повернулся к приятелю и увидел, как его силуэт в мгновение поглотила ослепительная вспышка. Все пространство вокруг вмиг залило светом. Полностью пропало зрение и ощущение реальности. Одновременно с потоком яркого света, разбив панорамные стекла просторного фойе, в здание с оглушающим грохотом ворвалась ударная волна. Ривье бросило на пол. Ослепленный и оглушенный, он катался по мраморным плитам и что-то кричал то ли от боли, то ли от страха, всем своим телом принимая еще один удар сжатого взрывом воздуха, потом еще и еще...

Он очнулся от того, что начал задыхаться. Попытался открыть глаза, но ослепленные вспышкой, взбесившиеся зрительные нервы посылали в мозг мешанину из разноцветных

колец, шаров, точек и извивающихся линий. В голове стоял монотонный, на высокой ноте звон, как будто там работал тревожный зуммер сигнализации, запоздало предупреждающий об опасности. Через секунду он почувствовал укол в бедро и вяло пошевелился, усиленно моргая, чтобы прогнать цветные круги, мельтешащие перед глазами. Чьи-то руки осторожно приподняли его и положили голову на что-то мягкое. Цветная мозаика перед глазами стала понемногу пропадать, и Ник начал различать силуэт склонившегося над ним человека, потом его глаза, губы, черты лица, форменную куртку службы безопасности. Тот что-то говорил ему, но сквозь звон ученый не мог разобрать ни слова и просто покачал головой. Охранник довольно кивнул, жестом показал, что все о'кей, и метнулся влево. Ривье медленно повернул голову в сторону и увидел, как над распластанным на полу телом Майка, пытаясь привести его в чувство, согнулись два человека.

Звон из мозга переместился в уши и поменял тональность, теперь сквозь него можно было разобрать отдельные звуки. Ник поднес руку к уху, чуть надавил и сморщился от того, что звон резко усилился. Зрение уже восстановилось настолько, что вполне можно было различать детали. Кривясь от тупой боли, волнами пробегавшей через мозг, он присел и осторожно осмотрелся. Весь пол был усеян мелкими осколками стекла от выбитых панорамных окон, гостевые кресла, горшки с растениями перевернуты, рядом со стойкой несколько человек оказывали помощь дежурившим в фойе охранникам. Майк тоже пришел в себя и, приложив ладони к ушам, сидел на полу, ошалело оглядываясь по сторонам.

– Что это было? – доктор Ривье не услышал своего голоса, который, пустым эхом прокатившись внутри черепной коробки, казалось, застрял где-то внутри.

Скривившись от боли, он тряхнул головой, открыл рот и пошевелил нижней челюстью, пытаясь избавиться от пробки, заложившей уши, и отогнать, наконец, надоедливый звон. Слух действительно начал понемногу возвращаться, и первыми звуками, которые он услышал, была какофония сигнализаций от находящихся на стоянке машин.

– Что это было? – уже громче спросил он. – Это бомба на парковке?

Один из охранников рядом с Монтини обернулся и прокричал, видимо, предполагая, что Ник все еще плохо слышит.

– Нет, на бомбу не похоже. Взрывов было пять. Это, скорее всего, атака с воздуха. Ложитесь, месье, скорая помощь и полиция уже в пути.

Окончательно поняв, что жив, Ник снова лег, поправил под головой подложенную кем-то куртку и решил до прихода врачей не двигаться.

США. Вашингтон

По роду своих занятий, относившихся в основном к сфере безопасности, Рональд Бэйтс не имел достаточно возможности общаться с учеными. Он удивился, когда к нему в кабинет в сопровождении Хайден вошел расслабленный молодой человек в джинсах и свободной толстовке, что в корне противоречило его представлениям о том, как эти самые ученые должны выглядеть.

– Знакомьтесь – доктор Гилман, ведущий физик-теоретик на Теватроне.

– Проходите, – глава МНБ встал из-за стола и, пожав гостям руки, сделал жест в сторону небольшого окруженного мягкими креслами журнального столика. – Теватрон, говорите. Расскажите, что это за зверь и чем вы там занимаетесь.

– Не хочу грузить вас физикой, сэр. Темное это дело, запутанное, – ученый взял банку энергетика со стоящего на краю стола подноса с напитками и, пшикнув пеной, не наливая в стакан, сделал несколько глотков.

– Боюсь, именно об этом и будет наш разговор, поэтому обрисуйте картину в общих чертах и постарайтесь сделать так, чтобы я хоть что-то понял. От этой беседы в вашей дальнейшей карьере может многое зависеть, – вежливо улыбнувшись, сказал Бэйтс.

– Э... Конечно, сэр, – Гилман понял, что церемониться с ним здесь не собираются, отставил банку и достал небольшой смарт из заднего кармана джинсов. – У меня тут базовая презентация по Теватрону, программы, схемы, формулы. Я могу вывести ее на ваш экран, если синхронизируюсь с локальной сетью.

– Давайте на словах, без схем-формул, – скептически хмыкнул Бэйтс, представив, сколько всякого вредоносного мусора может быть закачано в смарт ученого и что будет с закрытой сетью МНБ, если он туда попадет.

– Хорошо, – безразлично пожал плечами Гилман. – Теватрон – это коллайдер, то есть кольцевой ускоритель. Его также называют синхротроном, так как он позволяет ускорять заряженные частицы. Диаметр окружности ускорителя 6,3 километра, энергия после модернизации выросла до 2 ТэВ, или тераэлектрон-вольт. Это, чтоб вы понимали, 2 миллиона миллионов электрон-вольт. Много, короче... Мы были вторыми после Большого адронного коллайдера по энергии и научному авторитету, пока русские не построили *NICA*¹². Расположен около Чикаго, входит в структуру Национальной ускорительной лаборатории. Работаем на уровне квантовой физики. Расщепляем протоны, антипротоны, исследуем образовавшиеся субатомные частицы. Открытия малые и большие случаются почти при каждом запуске. Из крупных – мы вычислили массу бозона Хиггса, открыли с десяток новых элементарных частиц, вписывающихся в Стандартную модель¹³, и еще столько же частиц, которые ей противоречат.

– И зачем все это? – поднял брови Бэйтс.

– Как, зачем? – искренне удивился ученый. – Мы исследуем базовую структуру материи. Пытаемся разобраться, как устроена Вселенная, как она родилась. Это наука, сэр.

– Ладно, – глава МНБ сделал неопределенный жест рукой и обратился к Хайден. – Какой у них бюджет?

– Около пятисот миллионов, – с ходу ответила помощник президента по науке.

– Недурно. А какой бюджет у БАКа¹⁴?

– Чуть больше 1.5 миллиардов евро в год.

¹² англ. Nuclotron-based Ion Collider Facility – российский коллайдер протонов и тяжелых ионов Лаборатории физики высоких энергий в Дубне.

¹³ Одна из теорий, описывающих природу и взаимодействие элементарных частиц.

¹⁴ БАК – Большой адронный коллайдер.

– Неплохо живут физики. Не думал, что правительства тратят на них такие средства. А чем ваш ускоритель отличается от женеvского коллайдера? – Бэйтс снова повернулся к ученому.

– БАК гораздо больше и мощнее. У него окружность ускорителя 26 километров, а до недавнего времени рабочая мощность была на уровне 10–12 ТэВ. Но ЦЕРН потратил два года и кучу евро, чтобы провести серьезную модернизацию. Теперь энергия увеличилась до 14 ТэВ. Хотя я слышал, что им на прошлом запуске каким-то образом удалось выровнять вектора встречных пучков почти в прямую линию, а это может повысить энергию столкновений процентов на 5–7.

– Эта энергия... От нее много зависит в ускорителях?

– Конечно. Энергия столкновений, пожалуй, основной фактор в наших экспериментах. В БАКе, например, пучки протонов разгоняются на предварительных ускорителях, затем выходят в основное кольцо коллайдера, где дальше разгоняются навстречу друг другу почти до скорости света. Разгон происходит в вакууме мощными магнитами, работающими в режиме сверхпроводимости при температурах, близких к абсолютному нулю. Пучки сталкиваются внутри прибора, который мы называем детектором. Он и регистрирует результаты. Есть еще один важный параметр – светимость. Это количество столкновений в пучках протонов. Он зависит от их плотности, которая достигается сжатием пучка магнитным полем. Здесь они тоже в лидерах. Никто пока не смог добиться такой плотности, как европейцы.

– И что происходит при столкновениях протонов на таких энергиях?

– О! Происходит масса интересных вещей, – доктор Гилман с видом знающего человека покивал головой. – На низких энергиях протоны расщепляются на элементарные частицы, и чем выше энергия, тем необычней эти частицы. Так они открыли «частицу бога» – бозон Хиггса. Она придает массу всем остальным частицам. Без нее материя не могла бы существовать. А на высоких энергиях... По существующим теориям, энергия в 15 ТэВ приближается к энергии Большого взрыва, давшего рождение нашей Вселенной. При такой энергии можно проникнуть в самые основы мироздания. Мы даже в своих буйных фантазиях не можем себе представить, какие открытия нас там ждут.

– Это вы точно подметили, доктор, – глава МНБ положил перед ученым распечатку на нескольких листах бумаги с эмблемой МНБ. – Здесь анализ событий последней недели, изучите после нашего разговора. Но о чем там идет речь, в двух словах сейчас расскажет Джейн.

– Неделю назад по всему миру прокатилась волна сейсмической активности и произошло смещение полюсов, – начала помощник президента по науке. – На Солнце произошла вспышка высшей категории, которая выбросила в сторону Земли мощный поток заряженных частиц. Если бы наша планета не сместилась по орбите, этот поток ее бы накрыл и вывел из строя значительную часть незащищенной энергосети и электроприборов. Негативные последствия этого были бы колоссальны. Далее... NASA зарегистрировало изменение орбит внутренних планет Солнечной системы и их спутников, особенно Луны. Отсюда и изменение приливных циклов, которое привело к подтоплениям значительных территорий по всему миру, ранее считавшихся безопасными. Причиной этих изменений стал всплеск гравитации в точке, расположенной у нас на Земле. Это подтверждает и десяток гравитационных сенсоров в различных институтах, разбросанных по всему миру. Но это еще не все. USGS проанализировала смещение полюсов и пришла к выводу, что произошла деформация ядра планеты со смещением его массы и центра тяжести. Согласно их модели, причиной этого смещения явилась гравитационная аномалия, которая на очень короткое время появилась в северной части Восточного полушария. К этому времени сейсмологи проанализировали данные с датчиков, фиксирующих состояние литосферных плит, и пришли к выводу, что произошел их сдвиг. Они рассчитали обратные вектора смещения, которые соединялись в одной географической точке на поверхности планеты, и эта точка расположена в Швейцарии в районе Женевы.

– Черт возьми! – взволнованно всплеснул руками ученый. – Значит, им все-таки удалось!
– Удалось что? – нахмурившись, спросил Бэйтс.

– Гравитационная аномалия – это, скорее всего, результат возникновения квантовой черной дыры.

– Это как в космосе? – Хайден с озабоченным видом достала из сумки планшет. – Продолжайте. С этого момента наш разговор будет записываться.

– Ну... Чем-то они действительно похожи. Космические черные дыры возникают в конце жизненного цикла массивных звезд. Этот механизм нам более-менее понятен, в отличие от процессов, которые в них протекают. Механизм возникновения квантовой черной дыры нам неизвестен вообще. На эту тему существует пяток противоречащих друг другу теорий, но общепринятым мнением является то, что мы о них ничего не знаем и даже приблизительно не можем предположить их свойства.

– Так просто? – удивился глава МНБ.

– Да, – Гилман пожал плечами. – Мы полагаем, что у КЧД есть черты, схожие с обычными черными дырами: сверхгравитация, способность исказить пространство и время, сингулярность... Но для того чтобы хоть как-то объяснить возникновение и поведение квантовой черной дыры, нам надо ее: во-первых, получить, во-вторых, исследовать, в третьих, выстроить более-менее правдоподобную теорию. Насколько я знаю, пока никому ничего из этого списка сделать не удавалось, потому что тут мы говорим о совершенно новой, неизвестной нам области квантовой физики, о квантовой гравитации.

– А БАК? А гравитационная аномалия в районе Женевы? Ведь она может быть только результатом работы коллайдера, – задала вопрос помощник президента. – Послушайте. Нас не интересуют теории. Мы видим, что в результате работы коллайдера происходят непонятные нам процессы не только на планете, но и в Солнечной системе. Эти процессы опасные и деструктивные. Они могут напрямую угрожать национальной безопасности США.

– Национальной безопасности США? – кисло улыбнулся ученый. – Боюсь, вы недооцениваете то, что может произойти. По одной из теорий, квантовая черная дыра может уничтожить не только США или нашу планету целиком, но и всю Солнечную систему.

– Хорошо, – поднял руку Бэйтс, чтобы привлечь внимание. – Давайте перестанем ходить кругами. Доктор Гилман, сейчас я вам буду задавать прямые вопросы, а вы на них постарайтесь понятным языком отвечать... События последних дней являются следствием краткосрочного проявления в районе Большого адронного коллайдера гравитационной аномалии. Может ли эта аномалия быть связана с возникновением квантовой черной дыры?

– Это вполне возможно. И, скорее всего, является наиболее логичным объяснением, – согласно кивнул ученый.

– Может ли этот объект быть результатом эксперимента, который европейцы провели на Большом адронном коллайдере?

– Опять-таки, это наиболее логичное объяснение гравитационной аномалии.

– БАК работает больше 15 лет. Почему этого не произошло раньше?

– До этого энергия коллайдера не превышала 11 ТэВ. После реконструкции они вышли на 12, а затем совсем недавно и на 14 ТэВ, и даже выше. Этого может быть достаточно для появления КЧД.

– Если черная дыра появилась на коллайдере, почему она сразу исчезла?

– Я не сказал, что она появилась. Я сказал, что это возможно.

– Не цепляйтесь к словам, Гилман, вы прекрасно поняли мой вопрос.

– Я и не цепляюсь, – молодой ученый нервно заерзал в кресле. – Просто, если бы у них что-то такое произошло, то об этом сразу стало бы известно. Если в ЦЕРН не ввели какой-нибудь режим, ограничивающий выход информации.

– То есть вы не исключаете, что эти долбаные... э... что европейские ученые могли утаивать от нас критически важную информацию, – Бэйтс чуть подался вперед, всем видом показывая, что настроен очень серьезно.

– Могли, – немного опешил от его реакции Гилман. – Здесь нет ничего такого. У нас на Тэватроне тоже есть такой режим. Это сделано для того, чтобы приоритетное право исследовать явление имели ученые, которые его открыли.

– Мы Америка, а они Европа. Не забывайте, кто в этом мире за чей счет живет.

– Рон, давай вернемся к теме разговора, – мягко подсказала помощник президента.

– Ладно, – глава МНБ, недобро блеснув глазами, откинулся в кресле. – Итак. Теоретически на женевском коллайдере могла появиться черная дыра. Почему ее действие было краткосрочным?

– По существующей теории, КЧД может возникнуть только при высоких энергиях. Но она должна сразу испариться, то есть разлететься на веер элементарных частиц, так как ее волновая длина... э... – ученый бросил извиняющийся взгляд на собеседников. – Короче, она должна испариться в момент появления, так как после ее возникновения во время столкновения протонов ее скорость будет ниже скорости света, а при таких скоростях квантовая черная дыра, по теории Хокинга, не может существовать, если не имеет подпитки из другого измерения.

– Твою мать! Откуда? – раздраженно выругался Бэйтс. – Мы что здесь фэнтези-аниме обсуждаем?

– Из дополнительного измерения, – упрямо ответил Гилман.

– Рон, давай я продолжу, – видя, что глава МНБ выходит из себя, Хайден чуть придвинулась к столу и обратилась к ученому: – Поясните, пожалуйста, про измерения.

– Это всего лишь одна из теорий, созданная для описания явлений в квантовой физике, которые иначе объяснить никак нельзя. Она говорит о том, что на квантовом уровне происходят взаимодействия с микроизмерениями, откуда черпается или куда уходит часть энергии при квантовых процессах.

– Ну у вас и бардак в головах, – всплеснул руками Бэйтс. – Мы не знаем, как это объяснить, а давай-ка придумаем для этого дополнительные измерения. Это, черт возьми, больше похоже на шаманство, чем на науку.

– Это у вас, политиков, бардак в головах, – зло парировал Гилман. – Мы не знаем, как подгрести под себя ресурсы этой страны, а давай-ка придумаем проблему с правами человека или посадим там тренированных нами террористов. Это больше похоже на колониализм, чем на демократию.

– Не забывай, где находишься, сынок, – с угрозой в голосе проговорил глава МНБ.

– Рон... – помощник президента бросила на коллегу укоризненный взгляд.

– Ладно, продолжайте, – Бэйтс встал, подошел к стойке с напитками и, плеснув в стакан немного бурбона, прислонился к стене, изобразив на лице внимание.

– Итак, теоретически, появление черной дыры на коллайдере возможно, но она сразу испаряется, создав при этом краткосрочную гравитационную аномалию, – вернулась к теме Хайден. – Эта аномалия, прежде чем исчезнуть, сдвинула континенты, изменила форму земного ядра, вызвала вспышку на Солнце и изменила орбиты планет. А теперь вопрос... Что будет, если черная дыра по каким-то причинам просуществует дольше или не исчезнет вообще?

– Это, прямо скажем, не очень приятное развитие событий, – ученый отхлебнул энергетика и продолжил: – Если наши представление о КЧД хоть немного соответствуют действительности и ей удастся избежать испарения сразу после возникновения, она должна начать впитывать в себя окружающую материю и расти в массе. Но поскольку ее масса, хоть и является гигантской для квантового мира, измеряется всего лишь в нанограммах, она сама начнет

притягиваться к центру ближайшей гравитационной воронки. Этим центром в нашем случае является земное ядро.

– Пойдите, – помощник президента сделала пометку в планшете. – Если масса квантовой черной дыры выражается в нанограммах, тогда откуда взялась такая мощная гравитационная аномалия?

– Ее, скорее всего, породила находящаяся в центре КЧД сингулярность. Что это такое, мы можем только предполагать. По теории, она должна существовать внутри каждой черной дыры сверхмассивной, как в центре галактики, или микроскопической, как в вашем случае. Я уже говорил, что в точке сингулярности время и пространство не просто меняют свойства, но вообще перестают существовать в том виде, в котором мы их понимаем. Может, это прокол в иное измерение, может, кротовая нора в другую часть нашей галактики, а может, переход в параллельную вселенную. Мы просто не знаем. Но предполагаем, что, даже появившись на долю наносекунды, сингулярность может изменить вокруг себя пространство и время. В нашей Вселенной это можно сделать только с помощью гравитации. Отсюда и аномалия.

– Странно. Почему эффектов аномалии не чувствовалось в непосредственной близости от места ее возникновения? Почему она не притянула к себе машины, людей, здания?

– Это все картинки из дешевых голливудских фильмов. На самом деле влияние гравитационной аномалии такого уровня становится заметно только при воздействии на объекты с достаточно большой массой. И, судя по всему, массы континентальной плиты как раз для этого достаточно. Ну, про земное ядро, Луну и планеты я вообще не говорю.

– Так... С этим более-менее понятно, – Хайден налила себе кофе из стоявшего на столе термоса, добавила сливок и сделала несколько глотков. – Черная дыра будет притягиваться к земному ядру и набирать массу. Тогда на месте Швейцарии образуется гигантская воронка?

– Это опять кадр из фильма. Никакой воронки не будет. Квантовая черная дыра сама размером с элементарную частицу. Она будет двигаться со скоростью, близкой к скорости света, и, хоть и будет обладать максимально возможной в нашей Вселенной плотностью вещества, прошьет Землю до центра ядра практически мгновенно.

– И ничто ей не помешает? Это как? – спросил от столика с напитками Бэйтс.

– Очень просто. По сути, весь наш мир состоит из пустоты. О'кей, я не так выразился, – поправился Гилман, видя непонимание на лицах собеседников. – Наш мир состоит из атомов, а они состоят из протонов, нейтронов и электронов. Но эти частицы в общем объеме атома занимают ничтожную долю. Атом – это практически пустое пространство. Если взять, допустим, гору Эверест и убрать из ее атомов всю пустоту, то весь ее объем можно будет уместить в обычном стакане. Поэтому квантовая черная дыра, которая сама является очень мелкой элементарной частицей, беспрепятственно пройдет до центра земного ядра, не встретив на своем пути практически никаких препятствий.

– А сингулярность?

– Сингулярность является частью черной дыры. Вокруг сингулярности будет постоянно расти гравитационная аномалия, вызывая всевозможные катаклизмы. Как только КЧД достигнет центра земного ядра, она стабилизируется в центре гравитационной воронки, начнет быстро увеличиваться в размерах, впитывая его материю и выделяя энергию, пока через некоторое время полностью не поглотит нашу планету и Луну. Затем она по спирали двинется к следующей гравитационной воронке, которая находится в центре Солнца, и наша звездная система будет обречена.

– Твою мать! – выругался Бэйтс, возвращаясь к столу. – Это действительно похоже на конец света.

– Господа, прошу учесть, что этот сценарий основан даже не на теориях, а на ничем не подтвержденных предположениях о квантовых черных дырах, – Гилман обвел всех извиняющимся взглядом. – Что произойдет на самом деле, мы попросту не знаем.

Когда, ответив еще на несколько вопросов и подписав бумагу о неразглашении, ученый вышел из кабинета, Бэйтс с надеждой посмотрел на помощника президента.

– Джейн, я ни хрена в этом не понимаю, но шкурой чувствую, что на нас надвигается большая задница, – он встал и размашистым шагом прошелся по кабинету. – Послушать этого дрыща, так женевская хрень может уничтожить всю Солнечную систему. Это тебе не Йеллоустонский сценарий, не Сан-Андреас и не мегацунами от русской мегаторпеды. Их можно спокойно пересидеть в норах. Это вообще конец всему!

– Давай не будем бросаться в крайности, – попыталась успокоить его Хайден. – Во-первых, этот, как ты выразился, «дрыщ» – светило нашей квантовой физики и в свои тридцать с небольшим был уже несколько раз номинирован на Нобелевскую премию. Не Эйнштейн, конечно, но это лучшее, что у нас есть на данный момент. Во-вторых, ты же слышал – у ученых нет ничего конкретного по квантовым черным дырам, так что это все теории, больше смахивающие на фантазии.

– Эти фантазии родили гравитационную аномалию, которая уже поставила на уши всю Солнечную систему, – глава МНБ сделал рукой в воздухе размашистый жест. – И это, твою мать, не фантазия, а объективная реальность.

– Не ругайся, Рон, здесь присутствуют дамы, – улыбнулась Джейн.

– Да ладно... Лучше скажи, что ты собираешься делать?

– Я? – она удивленно подняла брови. – Я думала, мы в этом дерьме вместе.

– Не пугайся, я пошутил, – успокоил коллегу глава МНБ. – То, что творится на женевском коллайдере, напрямую касается национальной безопасности, а это как раз по моей части. Так что будь спокойна, я тебя одну не брошу. Думаю, у нас достаточно материала, чтобы доложить президенту. Давай сделаем так: ты подготовь научную часть, а я подобью фактуру по последним событиям, соберу с наших «шпыёнов» еще кое-какие данные и выдам боссу пару рекомендаций. Только не тяни. На все тебе день, – Бэйтс глянул в свой планшет. – Сейчас эти яйцеголовые ремонтируют коллайдер, но через десять дней у них спланирован еще один запуск. Хрен знает, что там может произойти. Идет?

– Идет, – кивнула головой помощник президента и бросила на коллегу игривый взгляд: – Пужинаем сегодня?

Бэйтс заглянул в свой ежедневник и довольно улыбнулся.

– На вечер всякая мелочь, могу спокойно разгрести. Вот ты развратница, доктор Хайден.

– Должна же я быть благодарна своему покровителю, посадившему меня в такое теплое кресло, – зазывно улыбнулась она и добавила: – Только таблетки не забудь.

– Да уж не забуду, – хмыкнул в ответ глава МНБ. – Ты ведь, считай, лет на двадцать моложе. Как мне старику за твоим темпераментом без химии угнаться.

Они рассмеялись, встали из-за стола и уже через минуту их мысли были заняты ворохом неотложных дел, который по долгу службы обрушивался на них каждый день. Среди вала электронной почты Бэйтса ожидал и короткий доклад ЦРУ о нападении на женевский коллайдер.

Франция. Поместье полковника Ривье

Поджав под себя ноги и закутавшись в теплый клетчатый плед, Лиз сидела в старом глубоком кожаном кресле. С экрана ноутбука, лежащего перед ней на затертом от времени подлокотнике, стараясь казаться бодрым и веселым, улыбался Ник.

– Детка, прекрати хныкать, со мной все в порядке, – он старался успокоить жену, видя, как у нее на глаза снова накатываются слезы. – Видишь, меня уже выписали. Теперь я могу работать из дома. Голова больше не болит, не кружится, тошнота тоже прошла. Звон в ушах еще остался, но с этим слуховым аппаратом, – он повернулся к планшету боком и постучал по вставленной в ухо горошине, – я вообще слышу отлично.

– Эти террористы... Они не отстанут. Вначале нападение на нас, потом обстрел Центра. Может, бросай это все, бери отпуск и приезжай к нам. Тут тихо, спокойно, снег вчера выпал. И малышка по тебе скучает.

– Ну как я теперь все брошу? Мы тут такое закрутили. Ван Перрен дал молчаливое согласие на запуск детектора. И Гринберга с помощью Майка и Таты удалось уговорить на перенос испытаний детектора на выведенное мной время. Впрочем, он и несильно сопротивлялся. Похоже, прошлый запуск с фейерверком очень его впечатлил и он сам хочет разобраться, что к чему. А насчет безопасности не беспокойся. Все, кто непосредственно не связан с экспериментами и обслуживанием ускорителя, разъехались по своим странам, а остальных временно расселили в домах и гостинице Центра. Наняли дополнительную охрану, запустили беспилотник, а еще у нас постоянно дежурят два экипажа полиции.

– Если вас еще раз обстреляют, не поможет ни охрана, ни полиция, – не унималась Лиз.

– Риск, конечно, есть. Но ты же сама видишь, убивать они никого не хотят. В этот раз они использовали мощные светозумовые мины, – Ник взял распечатку протокола, который оставил ему следователь из антитеррора. – 80-миллиметровый миномет сербского производства с кустарно смонтированной автоматической системой подачи боеприпасов, которая не требует присутствия человека. Стрельба велась с территории Франции с расстояния три километра. Боеприпас стандартный, американского производства, с корректируемой траекторией. Там полиция использует такие для разгона больших толп протестующих. Детонатор, правда, был установлен на высоту 10 метров, поэтому ударная волна от взрыва была такой сильной. Так что видишь, никто не пытался нас убить. Так, припугнуть еще раз хотели.

– Ник, у меня плохое предчувствие, – Лиз взяла из коробки тонкую салфетку и быстро промокнула слезы. – Будь там осторожен. И давай договоримся. Если еще что-то случится, ты бросаешь все и едешь сюда.

– Хорошо, милая, договорились. Я в любом случае приеду через пару недель, как только проведем эксперимент и закончим первичную обработку данных, – Ник послал жене с экрана воздушный поцелуй и отключился.

Некоторое время Лиз, нервно ежась от собственных плохих предчувствий, смотрела на экран телевизора, который довольно гротескно выглядел на фоне старинного гобелена, закрывавшего половину каменной стены, отделанной такой же древней штукатуркой. Шла прямая трансляция выхода к прессе президентов Франции и России. Оба были серьезны, улыбались мало и казались немного взволнованными, как будто они только что вместе приняли очень тяжелое, но необходимое решение. Эта решимость была заметна и в понимающих взглядах, и в одобрительных кивках, и в желании поддержать своего партнера в ответах на вопросы. Лиз прислушалась. Говорили о сотрудничестве, торговле, инвестициях и совместных проектах по строительству ядерных электростанций в третьих странах. Темы казались бы обычными, если бы не тот факт, что президенты встречались уже второй раз за последние семь дней. Вначале французский лидер неожиданно изменил свой график и прилетел в Москву для короткой

незапланированной встречи на высшем уровне. Тогда не было ни официальных заявлений, ни пресс-конференций, ни выходов к журналистам. Несколько часов с глазу на глаз, даже без помощников и переводчиков, – и обратно в самолет. И вот теперь Президент России прилетел в Париж с краткосрочным визитом. Перебирая в голове новости последних недель, Лиз некоторое время продолжала всматриваться в лица президентов, стараясь понять, что послужило причиной таких частых встреч лидеров России и Франции, но ее отвлек шум в прихожей.

– Дедушка вернулся! Дедушка вернулся! – дочка, подпрыгивая, вбежала в гостиную, забралась маме на колени и покрутила перед ее глазами огромных размеров разноцветным леденцом. – Смотри, что он мне принес!

– Ах ты, сладстена, – мама прижала дочку к себе и поцеловала в щеку. – Только не ешь все сразу. Слишком много сладкого вредно.

– Ничего не вредно, – в гостиную вошел Ривье-старший. – Это химия, которая продается в ваших супермаркетах, вредно, а мой друг Гийом делает на своей кухне конфеты из натурального меда, ягодного сиропа и карамели.

– Хорошо, хорошо, – Лиз не хотелось спорить с тестем, который бывал иногда ворчлив и до невозможности упрям, тем более что она заметила за его спиной высокого мужчину в темно-сером деловом костюме.

– Проходите, месье Кассар, – уловив ее взгляд, хозяин отступил в сторону, пропуская незнакомца в гостиную.

– Спасибо, полковник, – гость вежливо кивнул и сделал несколько шагов вперед.

– Знакомьтесь. Мадам Ривье, вернее, доктор Ривье. Жена моего сына Николя Ривье. А это – майор Франсуа Кассар, офицер *DPSD*¹⁵ Мы с ним работали когда-то вместе, правда, тогда он был совсем молодым и неопытным лейтенантом. Ты не будешь возражать, если он задаст несколько вопросов о нападении на вас с Николя. Расскажи все, что знаешь. Это хорошие люди, они смогут вас защитить, – Ривье сделал гостю приглашающий жест в сторону кресел.

– Но этим занимается швейцарская полиция, – осторожно сказала Лиз, откладывая ноутбук. Она знала, что Ривье-старший был военным, участвовал в нескольких кампаниях в Африке, но не догадывалась, что тот был связан со второй по силе и влиянию спецслужбой страны, да еще имел звание полковника, что в иерархии французских спецслужб для большинства было пределом мечтаний.

– Спасибо, патрон¹⁶. Швейцарцы пусть делают свое дело, если, конечно, не заснут по дороге. Мы подключаемся, когда речь идет о безопасности французских граждан, а это как раз такой случай, – майор уселся в кресло рядом с Лиз. – Мы изучили ваши досье и отчеты ЦЕРН по вашей работе. Впечатляет, я вам скажу. Очень впечатляет. Особенно последний эксперимент, где вам удалось из-за выравнивания встречных векторов протонных пучков добиться предельных энергий.

– Вы физик? – удивленно спросила Лиз.

– Нет. Но мы уже давно наблюдаем за коллайдером, и за это время я изучил тему достаточно, чтобы иметь о ней общее представление. На уровне дилетанта, конечно.

– Вы следите за коллайдером?

– Да, с первого дня его запуска, – вежливо улыбнулся Кассар. – И не только мы. Вокруг него вьется целый рой иностранных разведок. Американцы, израильтяне, русские, китайцы, немцы, англичане – полный набор.

– Но почему? Мы ведь не военный объект.

¹⁵ фр. Direction de la protection et de la sécurité de la défense – служба военной контрразведки Франции, которая также ведет активную разведдеятельность за рубежом.

¹⁶ Уважительная разговорная форма обращения к начальству во Франции. Эквивалент английского «босс».

– Не военный. Но ваша работа может напрямую повлиять на безопасность. Вы пробиваете тоннель в неизведанное. Кто знает, что вы найдете по дороге. Может, какие-нибудь прорывные технологии, а может, супероружие. Поэтому правительства хотят знать о происходящем, не из заумных отчетов ЦЕРН, а из первых рук, тем более что у вас там творится масса интересного. Вот скажите, как вашему мужу пришла мысль выровнять встречные вектора через перекалибровку разгонных магнитов?

– Здесь все просто. Я даже сама удивляюсь, как до этого никто не додумался, – пожалала плечами Лиз. Понимаете, в коллайдере пучки протонов разгоняются электромагнитами в вакууме почти до скорости света. Разгоняются они по окружности, длина которой превышает 26 километров. Теоретически можно сказать, что при встречном столкновении пучки протонов сходятся на прямой линии, но фактически это не так. Из-за того что они движутся навстречу друг другу по окружности, пусть и с очень большим радиусом, вектор их столкновения отличается от 180 на несколько десятых градуса. В прошлом эксперименте Нику через изменение напряжения магнитных полей удалось сократить отклонение от прямой до нескольких сотых. На контрольном участке он вывел встречные пучки вначале к крайней внешней точке разгонной трубы, а затем направил их к точке столкновения у внутренней окружности. Так угол отклонения от прямой удалось сократить. Это дало прирост энергии столкновения в 4–5 процентов. К следующему запуску магниты будут откалиброваны полностью и пучки протонов столкнутся на идеальной прямой, это даст еще процента 2–3. То есть мы можем выйти почти на 15 ТэВ. А это энергия, близкая к той, что была при возникновении нашей Вселенной.

– Это все понятно, – кивнул головой Кассар. – Вы увеличите энергию на 1 ТэВ по сравнению с той, на которую рассчитан коллайдер. И это замечательно. Но мой вопрос был не об этом. Меня интересует, как доктор Ривье вышел на алгоритм калибровки напряжения магнитов ускорителя. Ведь для того, чтобы рассчитать изменения в магнитном поле, способные выровнять встречные вектора пучков, нужно около месяца работы на самом мощном суперкомпьютере. Насколько я знаю, у вашего мужа не было доступа к вычислительным возможностям такого уровня, а от первого наброска формулы на бумаге до эксперимента прошла всего неделя.

– Ну... – немного смутилась Лиз, в нерешительности посмотрела на Ривье-старшего и, увидев, что тот ободрающе кивнул, продолжила: – Понимаете, Нику пришлось в голову уже готовое решение. Он каким-то образом увидел параметры изменения работы магнитов через изменения коэффициента сверхпроводимости. То есть он сразу узнал основные калибровочные значения, которые должны привести к нужным изменениям в разгонных магнитных полях.

– Узнал? – майор с интересом посмотрел на ученого. – У вас есть какие-нибудь предположения откуда.

– Нет. Мы были с дочкой в ресторане. Заказали пиццу. Малышка попросила отрезать поджаристую корочку сбоку. Она любит ей похрустеть. Он взял нож и сделал надрез по краю пиццы, выровняв окружность. Потом вскочил, бросился к официанту, выхватил у него ручку и стал что-то записывать на салфетке, ругаясь, что та постоянно рвется. Потом дома на компьютере мы вбили его параметры в модель магнитных полей. На следующий день он пришел к доктору Ван Перрену. Тот сразу ухватился за идею. Ну и дальше вы, наверное, все знаете. Ему дали добро, и во время эксперимента мы вышли на необъяснимое явление.

– Вы до сих пор считаете его необъяснимым?

– Не совсем, – немного стушевавшись под пристальным взглядом, проговорила Лиз. – Есть разные версии. Нет, скорее, предположения о том, что могло тогда произойти.

– Я хочу поделиться с вами закрытой информацией, – Кассар, аккуратно поправив, полы пиджака, поудобнее устроился в кресле. – Дело в том, доктор Ривье, что в результате последнего эксперимента, проведенного на коллайдере по параметрам, предложенным вашим мужем,

внутри детектора возникла квантовая черная дыра. Во всяком случае, в этом уверены американцы.

– Черная дыра? – растерявшись от такого неожиданного вывода, переспросила Лиз. – Мы не исключали такую возможность. А доктор Монтини вообще был в этом уверен. Но откуда американцы знают, что это была КЧД? И откуда вы знаете про американцев?

– Знать про американцев – моя работа. А они пришли к выводу о том, что во время эксперимента на коллайдере возникла квантовая черная дыра, в результате анализа вот этих данных, – майор достал из внутреннего кармана пиджака сложенный в несколько раз лист плотной бумаги и протянул его Лиз.

Изредка покусывая от волнения нижнюю губу, она читала несколько минут в полной тишине, потом подняла испуганные глаза и чуть охрипшим голосом спросила:

– Тому, что здесь написано, можно верить?

– Это выборка нескольких основных положений из доклада, который американцы готовят своему президенту. Если все это вышло на такой высокий уровень, значит они относятся к теме очень серьезно. Сейсмическая активность, деформация земного ядра, изменение орбит планет, вспышка на Солнце вызваны гравитационной аномалией, возникшей на вашем коллайдере. Мне тоже это кажется очень серьезным.

– Но, может, все эти явления и не связаны.

– Может. Но шанс этого очень невелик. Я сомневаюсь, что американцы, несмотря на явную склонность к паранойе, не перепроверили все трижды, прежде чем идти с докладом в Белый дом. Мы тоже собрали группу ученых, которые проанализируют все, что произошло, и выдадут свою версию. Не думаю, что она будет сильно отличаться от американской.

– Черт возьми, – Лиз нахмурилась и еще раз принялась читать материал. – Деформация ядра, смещение материковых плит, орбиты, хорошо регистрируемая гравитационная аномалия... Если бы мы могли связать эти явления, мы, возможно, и сами пришли бы к такому выводу.

– Вы можете себе представить, что произойдет, если все это попадет в открытый доступ, – включился в разговор полковник Ривье. – Телевидение, интернет... Да они раздуют из этого такой пузырь, что вы годами будете отмываться.

– Я думаю, американцы и мы некоторое время сможем удерживать информацию, но неизвестно, кто еще и когда сможет сложить вместе эти факты и прийти к очевидному выводу, – развел руками Кассар. – Все может выйти из-под контроля в любой момент. Особенно если учесть то, что вы готовите еще один запуск, где энергия будет еще больше. И при этом эксперименте вы попытаетесь поймать черную дыру в прошлом, основываясь на новых расчетах, которые тоже просто пришли вашему мужу в голову.

– Откуда вы это знаете? – Лиз подняла глаза на майора. – Хотя о чем это я. Сегодня государство знает все обо всех.

– Давайте не будем трогать государство, – с серьезным видом сказал Кассар. – Мы просто хорошо делаем свою работу. И, поверьте, от того, что мы контролируем интернет, она не стала легче. Но вернемся к вашему мужу. Эти странные просветления... Они у него случались раньше?

– Нет. Он молодой, несомненно, талантливый физик-экспериментатор. У него постоянно появляются необычные идеи, которые дают интересные результаты. Но чтобы кардинально менять целые сегменты уравнений, искусственно подставляя туда пришедшие в голову значения... Нет, такого с ним раньше не было.

– Доктор Ривье, – майор наклонился к столу и поймал взглядом ускользающие глаза Лиз. – Мы считаем, что ваш муж находится под посторонним контролем, который может влиять на его действия. Мы пока не знаем, какая используется методика, кто за этим стоит и каковы их цели, но обязательно в этом разберемся и поможем вам. Но и нам нужно ваше содействие.

Судя по всему, коллаيدر может запустить процессы, которые способны привести к серьезным разрушениям. Самое главное, что эти процессы никто не сможет контролировать. Такой ситуации на границах Франции мы допустить не должны. Это не последняя наша встреча, но для того чтобы следующий разговор был более предметным и чтобы при этом дольше необходимого минимума не обременять вас своей компанией, я вас попрошу заполнить несложный вопросник, который пришел к вам на личную почту. Ничего особенного. Большую часть ответов мы уже знаем. Нам просто важно ваше субъективное мнение о людях, с которыми контактирует Николя Ривье. Проверьте, пожалуйста.

Пожав плечами, Лиз потянулась за ноутбуком, открыла почту, где висело несколько новых сообщений и среди них одно с эмблемкой *DPSD*. Она подняла на майора удивленные глаза.

– Наше общение будет открытым, потому что мы временно взяли этот ваш почтовый ящик под контроль, – скромно улыбнувшись, сказал он. – Это для того, чтобы не опасаться утечки. Как только мы закончим, мы подчистим наши следы и он снова будет полностью ваш. Надеюсь, вас это не очень стеснит, ведь у вас есть еще три адреса электронной почты.

Вздыхнув, Лиз открыла приложение с вопросами и первое, что увидела, было имя директора коллаидера Уве Ван Перрена.

* * *

Деньги за акцию на центральном офисе коллаидера упали на счет почти сразу. Гао Лэй в этом плане был очень дисциплинирован. Более того, Агнежка увидела и солидный бонус за изобретательность. Сделка была оформлена вполне официально между ее консалтинговой фирмой и крупным китайским сельхозпредприятием в Румынии, которому срочно понадобился экологический аудит и план действий по снижению влияния на окружающую среду. Документы были в порядке, и с этой стороны беспокоиться не стоило.

Немного напрягало то, что им на хвост села французская контрразведка, но чтобы реально выйти на след, надо время, а она планировала после следующей акции свернуть операцию, подчистить следы и исчезнуть из Швейцарии.

Подобраться к Агнежке было очень сложно. Для акции с расстрелом красной краской пары ученых она наняла через Интернет эоактивистов из Латинской Америки, которые учились в одном из университетов Женевы. Здесь вообще все получилось удачно. Ребята думали, что участвуют в розыгрыше, который будет сниматься на скрытую камеру, и ни о чем не подозревали, пока их не взяла полиция. Впрочем, адвокаты утверждали, что им ничего серьезного не грозит, инцидент будет квалифицирован как хулиганство и они отделаются штрафом, условным сроком и будут высланы из страны. Денег, которые им заплатила Агнежка, должно было хватить и на штраф, и на билеты домой, и на пару месяцев беззаботного кутежа с горячими латиночками.

Со второй акцией с минометным обстрелом офиса ЦЕРН дело обстояло гораздо сложнее. Здесь пришлось работать самой с парой проверенных бойцов. Они долго думали, чем ударить по офису. Рассматривали разные варианты: коптер с возможностью сброса заряда с воздуха, бомбу, заложенную под машину одного из сотрудников, доставку заряда по почте. Но один из ее людей, послуживший несколько лет в армии, вскользь бросил, что самым безопасным и эффективным оружием для такой акции был бы миномет. Убивать они никого не хотели. Особая точность тоже была не нужна, важно, чтобы взрывы прогремели на территории Центра. Да и отследить их в этом случае будет очень сложно. Агнежка сразу уцепилась за эту мысль и поделилась ей с Гао. Тот скептически фыркнул и сказал, что ему надо проконсультироваться со специалистами.

На следующий день она получила сообщение с инструкцией по организации обстрела офиса ЦЕРН из миномета. Вся подготовка заключалась в том, чтобы выбрать тихое место, откуда будет произведен залп, и выставить на нужное время автомат подачи боеприпасов. Правда, выбирать нужно было с учетом предложенных характеристик. Предполагалось использовать 80-миллиметровый миномет с уверенной дальностью стрельбы около 3 километров, оборудованный автоматической системой подачи боеприпасов.

Покорпев над картой, Агнежка нашла подходящее место на возвышенности в 2,5 километрах от цели. Она направила туда одного из своих людей, чтобы провести осмотр площадки, и, когда тот вскоре отзвонился и сообщил, что она, по его мнению, идеально подходит для операции, переслала ее фотографии и координаты Гао. Через час к ней пришли параметры ориентации и настройки прицела миномета. Теперь ей оставалось только получить оружие, установить его в нужном месте и активировать автомат подачи боеприпасов.

Площадка находилась на небольшом холме среди густой дубовой рощи. Это была небольшая поляна с неплохим подъездом и ровным пятачком земли, оборудованным специально для летних пикников. В том, что сюда никто не заявится в ненастный декабрьский будний день, можно было быть уверенным, но на въезде все же установили запрещающий знак, пугающий незваных посетителей огромным штрафом.

В назначенный день на закрытой парковке одного из крупных торговых центров Агнежка подошла к невзрачному старенькому внедорожнику, открыла незапертую дверь и, найдя спрятанные под ковриком ключи, завела двигатель. В багажнике заваленный броскими пакетами с покупками лежал 80-миллиметровый миномет. В нескольких километрах от торгового центра она подобрала своих людей. Через полчаса вся команда была уже на месте и, рассматривая детальную инструкцию, в полутьме пыталась собрать незнакомое оружие. Это получилось только с третьей попытки. Наконец, изрядно намучавшись с непослушной железякой, они отошли в сторону, чтобы посмотреть на результаты своих трудов.

Дальше все было просто. Место для установки миномета было уже подготовлено кем-то из людей Гао. Чтобы сориентировать миномет на цель, надо было просто установить опорную плиту и сошки в выкопанные гнезда и убедиться, что вся конструкция устойчива. Затем на ствол закрепили металлическую раму с автоматическим подающим механизмом и проверили настройки прицела.

Когда все было сделано, готовый к залпу миномет был на всякий случай накрыт маскировочной сеткой. Агнежка установила таймер на полчаса и, еще раз осмотрев место сборки, махнула своим парням, чтобы спускались пешком через рощу в противоположную сторону от дороги, где осталась их машина. В нескольких километрах их ждал другой автомобиль, украденный кем-то из людей Гао. Они без приключений добрались до пригорода Женевы, бросили машину на одной из боковых дорог и разъехались в разных направлениях на общественном транспорте.

Вернувшись в простенькую съемную квартиру, Агнежка включила женеvский новостной канал, по которому комментатор с широко открытыми то ли от удивления, то ли от испуга глазами рассказывал об ужасном теракте на коллайдере. Утром по новостям передали, что женеvской полиции удалось найти место, с которого был произведен обстрел, использовавшееся террористами оружие и машины, на которых они передвигались. К сожалению, злоумышленники действовали профессионально. Миномет и две машины, используемые в теракте, были облиты горючей смесью и выгорели, так что никаких следов не осталось.

«Китайские экологи...» – скептически хмыкнула про себя Агнежка. Она понимала, что работает на китайскую разведку, и от этого ей даже иногда становилось не по себе, но Гао платил неплохие деньги, да и сама операция того стоила. Китаец дал ей почитать подборку материалов по коллайдеру, и то, что она увидела, ей очень не понравилось. Похоже, ученые в

своей неумной тяге к открытиям вплотную подошли к границе разумного, и риск глобальной катастрофы от очередного эксперимента на коллайдере действительно был очень велик.

С другой стороны, то, что происходит на коллайдере, скоро совсем перестанет ее волновать. После следующей акции Гао рассчитается с ней наличными. И не деньгами, а бриллиантами. Сумма внушительная – около миллиона долларов. Этого должно хватить на то, чтобы затеряться где-нибудь в Азии. С ребятами, правда, расставаться было жалко, но им остается фирма с солидным положительным балансом на счету. Мальчики они взрослые, как-нибудь выживут. Если, конечно, их не переловит полиция на очередной акции.

Еще раз пробежав глазами по бухгалтерии фирмы, она закрыла окно отчетности на мониторе и взяла со стола карту дорог, которую ей передал Гао. Сути предстоящего задания она не знала, но китаец сказал, что для его выполнения ее команде надо будет хорошо ориентироваться в районе коллайдера.

США. Вашингтон

Нервно выстукивая пальцами незамысловатую мелодию по экрану лежащего на коленях планшета, Бэйтс смотрел в окно своего лимузина и размышлял о последнем телефонном разговоре с президентом. Вроде все было, как обычно. Босс не любил ученых и не скрывал своего раздражения при обсуждении научных тем. Он был человеком прошлого и искренне жалел о временах, когда не было заумных гаджетов, позволяющих прыщавому хакеру-одиночке поставить на уши целое государство, а международные споры решались в яростной штыковой атаке на поле боя.

Во время разговора хозяин Белого дома был немного суетлив, невпопад задавал вопросы, пока дело не коснулось главного. Тогда он молча, не перебивая, выслушал главу МНБ и попросил переслать все материалы по почте для более детального изучения. Процедура, в общем, вполне нормальная, если бы не тема разговора. Потенциальные риски такого уровня обсуждаются при личной встрече, и это тоже нормальная процедура. Но тут выяснилось, что у президента в ближайшие дни очень плотный график и времени для встречи просто нет.

Видя, что босс не понял всю степень опасности и старается уйти от темы, Бэйтс начал перебирать варианты, чтобы выхватить хоть полчаса времени на разговор, но все, абсолютно все время в президентском графике оказалось занятым. Днем постоянные и по большей части бесполезные совещания по передаче полномочий вновь избранному главе государства, совместные встречи с госдепом, минобороны, минфином и еще десятком министерств и федеральных агентств. Завтраки, обеды и ужины были забиты встречами с лоббистами разных мастей, которые ни на секунду не ослабляли свою хватку на Белом Доме. Поздний вечер, вообще, дело святое – его президент проводил с семьей, отступая от этого правила только в случае действительно чрезвычайных ситуаций.

Устав ковыряться в графике президента, Бэйтс сказал, что ввиду исключительной важности вынесет тему на Совет национальной безопасности, который должен состояться завтра вечером, и тут босс сам нашел полчаса. В президентском вертолете. По пути на встречу с руководством NASA на базе Воллопс, расположенной на побережье к востоку от Вашингтона.

Вертолет уже ожидал на площадке за Белым домом. Бэйтс благодарно кивнув агенту Секретной службы, открывшему дверь лимузина, выбрался наружу, взбежал по небольшому крыльцу и, по привычке козырнув вытянувшимся по струнке морпехам, стоящим у входа, вошел внутрь. Президент в сопровождении помощника, небольшой свиты функционеров NASA и пары личных телохранителей уже шагал навстречу ему по коридору.

– По тебе, Рон, можно время сверять, – весело сказал он, быстро глянув на часы. – Пошли, расскажешь, что там у тебя за конец света намечается.

В президентском вертолете они прошли в «офис» – отсек, оборудованный как полноценный рабочий кабинет. На небольшом полированном столе из красного дерева помощник молча разложил увесистую стопку каких-то документов, предназначенных на подпись, несколько свежих выпусков газет и журналов и с легким уважительным кивком удалился.

– Итак, – начал разговор президент, подождав, пока молоденькая стюардесса налила им по большой кружке кофе со сливками, – говоришь, европейцы хотят поставить весь мир на уши. Рассказывай, что накопал, а то в твоём докладе я запутался уже на первой, мать ее, странице.

Кивнув, Бэйтс выложил перед боссом, который в силу своего консерватизма не любил смартфоны-планшеты, распечатку доклада по ситуации вокруг женевского коллайдера и постарался коротко, но в красках описать возникшие риски. Президент слушал молча, изредка поднимая глаза от распечатки и недовольно хмурясь. Когда глава МНБ закончил, он без лишних слов спросил:

– Ты уверен, что сдвиги орбит, деформация ядра и смещение континентов связаны с коллайдером?

– Я? Да я тут вообще ни черта не смыслю. Это говорят ученые. Лучшие ученые из тех, что у нас есть, по словам Хайден. Они все завязывают на гравитационную аномалию, которая могла быть только результатом возникновения на коллайдере черной квантовой дыры.

– Хреново, – недовольно морща лоб, подытожил хозяин Белого дома. – Я всегда говорил, что эти яйцеголовые допрыгаются. И что ты в этой ситуации предлагаешь делать?

– Надо остановить планируемые запуски коллайдера на максимальных энергиях до тех пор, пока мы во всем не разберемся, – уверенно ответил Бэйтс. – Надо подключить Госдеп, выйти на руководство ЦЕРН. Если не подействует, лично связаться с главами государств, объяснить им возможные риски. При следующем запуске они могут достичь критического уровня энергии. Тогда родится еще одна долбаная черная дыра. А может и несколько. Это вызовет новую волну землетрясений и кто знает, что еще. А если дыра сразу не испарится, то она может уничтожить Землю, а потом и все вокруг. Риск чрезвычайно велик.

– Твою ж мать! Не было печали... – в сердцах выругался президент и внимательно посмотрел на собеседника. – Кто еще видел этот доклад?

– Полностью, включая рекомендации, никто. Хайден готовила научную часть. Она, конечно, привлекала для этого специалистов, но не думаю, чтобы у них сложилась полная картина происходящего. В любом случае, все ученые под плотным колпаком. Окончательный документ сбивал я лично, чтобы избежать утечки. Ты представляешь что будет, если эта хрень просочится в интернет?

– Представляю, – президент бросил последний взгляд на распечатку и отложил ее на край стола. – А ты?

– Поднимется паника. Активисты в Европе просто заставят правительства закрыть коллайдер.

– А может это и хорошо. Ведь они, несмотря на наши многочисленные просьбы, так и не предоставили нам доступ к ускорителю. Мы поднимем прикормленных активистов, подтянем проплаченных журналистов, подкинем в европейские СМИ пару правдоподобных страшилок. Поднимется волна, мы ее раскачаем, и под давлением испуганной общественности правительства сами остановят коллайдер, чтобы во всем разобраться. И не надо будет никаких Госдепов и личных звонков. Сейчас не начало века, когда мы контролировали их правительства. Европейцы очень болезненно реагируют на любые попытки давления с нашей стороны.

– План опробованный, и он бы сработал, если бы у нас было время на его раскрутку, – кивнул Бэйтс. – Но времени нет. У них следующий запуск через восемь дней.

– Вот дерьмо! – со злостью хлопнул ладонью по столу президент. – А что, если напрямую связаться с руководством ЦЕРН или коллайдера и спокойно все объяснить.

– Возможно, сработает. Но они могут подумать, что мы из зависти хотим заблокировать работу БАКа. Конечно, они начнут разбираться, а это опять займет время. Нам сейчас главное – выиграть время и перенести ближайший запуск, а там я уверен, Госдеп что-нибудь придумает. Они мастера на всякие интриги.

– Тогда на Госдеп и на личные звонки европейцы могут отреагировать так же. Не вижу разницы. Они подумают, что мы их пытаемся заблокировать на пороге важного открытия, и не станут переносить эксперимент, – не скрывая раздражения, бросил президент. – Но ты прав, Рон. Если все, что здесь написано, правда, тогда риски катастрофы действительно велики и надо действовать быстро.

– Согласен, но я бы все же позвонил немцам и французам. Они больше всего вложили в коллайдер и должны иметь значительное влияние на ЦЕРН.

– Не хочу я им звонить и объяснять все, – президент недовольно фыркнул. – Это будет выглядеть так, как будто я у них что-то выпрашиваю. А после того как боши с лягушатниками,

мать их, пошли на сближение с Россией, они вообще могут возомнить о себе что угодно. Типа Америка стоит на коленях с протянутой рукой и без нас ни одной проблемы решить не может.

– С какой протянутой рукой? Ты о чем? – возмутился глава МНБ. – Мы же не денег просим и не политической поддержки. Речь идет о реальном риске глобальной катастрофы.

– Ладно. У нас есть еще пару дней. Дай мне немного времени. Я поговорю с Госдепом, посмотрю, какие активы в Швейцарии развернуты у ЦРУ. Поразмыслю над этим, и завтра утром обсудим тему еще раз.

* * *

Возвращаясь на самолете МНБ в Вашингтон с базы NASA Воллопс, Бэйтс поймал себя на мысли о том, что президент сильно изменился, с тех пор как занял кресло в Овальном кабинете. С одной стороны, все вроде бы понятно – масштабные задачи спасения нации от неумолимо надвигающегося экономического и политического кризиса, ставшего следствием утери США мирового влияния, груз ответственности, постоянный стресс, необходимость подстраивать свои принципы под существующую систему. С другой – налицо явные изменения психологического профиля и даже выработанных годами, ставших частью жизни привычек. Появилась какая-то резкость, дерганость и не только в движениях, но в разговоре, в действиях, в манере принятия решений. Пропали привычные вдумчивость и осторожность, а их место занял страх. Скорее, даже не страх, а боязливость. Так ведет себя хорошо дрессированная собака, соизмеряя каждое свое действие с возможной реакцией хозяина.

Глядя в окно, глава МНБ несколько раз прокрутил эту мысль в голове. И пришел к выводу, что и предыдущие хозяева Белого Дома тоже менялись у него на глазах, приобретая похожие черты поведения. Он мог наблюдать это лично, проработав на высоких постах при двух президентах до того, как занять место главы МНБ. Возможно, само здание Белого Дома обладает какой-то подавляющей волю аурой и изменяет его обитателей под себя, а может, какие-то страшные тайны обрушиваются с этой высокой должностью на человека, меняя его психику и поведение. Рациональных объяснений этому не было, а в иррациональные углубляться не хотелось.

Тяжело вздохнув, Бэйтс отогнал грустные мысли и выглянул в иллюминатор. Небольшой самолет уже пробил нижний слой облачности и, борясь с порывами бокового ветра, заходил на посадку в аэропорт Рональд Рейган, плавно покачивая крыльями над яркой россыпью огней вечернего Вашингтона.

На секунду он представил, что все это может погибнуть, если где-то за тысячи миль в Европе на Большом адронном коллайдере что-то пойдет не так, и, не стесняясь сидящего напротив помощника, грязно выругался.

На следующий день, когда глава МНБ проводил утреннюю видеоконференцию с руководителями региональных подразделений, на личный номер пришел прямой звонок от президента. Совещание пришлось прервать, и через несколько минут Бэйтс уже мчался на вертолете в направлении Белого Дома.

– Твою мать, Рон, ты просто не представляешь, что происходит у меня под носом, – вместо приветствия выпалил президент, энергично тряхнув его руку. – Я уже четыре долбанных года сижу в овальном кабинете, и тут под самый занавес на меня из шкафов посыпались такие, мать их, скелеты, что грохот их костей будет слышен и Москве, и в Берлине, и в Пекине.

– Ты о чем? – немного опешил Бэйтс, которому редко приходилось видеть президента таким взволнованным и даже немного напуганным.

– Я о долбаном коллайдере и твоём докладе, – сообщил тот, рухнув в кресло и закинув ноги на стол. – Я вызвал госсекретаря. Он сейчас будет здесь. Я хочу, чтобы ты присутствовал

при нашем разговоре. Мне нужен свидетель, способный в случае чего дать показания перед специальной комиссией Конгресса.

– Ты можешь толком объяснить, что происходит? – глава МНБ подошел к небольшой стойке, на которой были выставлены хрустальные графины с дорогим спиртным, бросил в широкий стакан несколько кубиков льда, плеснул немного выдержанного виски и вернулся к столу. – На вот, успокойся. Какое отношение имеют твои скелеты к коллайдеру?

– Сэр, госсекретарь Тэйкли, – раздался голос личного помощника по громкой связи.

– Да. Пусть заходит. Только один, без своей госдеповской свиты, – ответил президент и с видом хищника, к которому добыча сама идет в руки повернулся к главе МНБ. – А вот он нам сейчас все расскажет и про скелеты и про этот, мать его, коллайдер.

Глава госдепартамента Тед Тэйкли, или для своих в Белом Доме просто ТТ, был одним из столпов, на которых держался вашингтонский истэблшмент. Он работал на разных должностях самого высокого уровня при последних четырех Администрациях и пользовался непрекаемым авторитетом как взвешенный, вдумчивый политик и чиновник, избегающий конфликтов. Небольшого роста, полный и улыбочивый, он многим казался таким жизнерадостным добрячком, что не мешало ему всегда добиваться своего, благодаря обширным связям и отточенному за многие годы в политике искусству убеждать, которое в его исполнении было больше похоже на ловко замаскированную манипуляцию.

В ЦРУ, где он был директором три года до того как принять пост госсекретаря, до сих пор удивлялись, как ТТ удавалось уламывать опытных, прожженных насквозь десятками лет оперативной работы, глав управлений на проведение заведомо провальных операций. Но сложные и, на первый взгляд, бессмысленные многоходовки, как оказывалось позже, почти всегда действительно приносили вполне ощутимый результат, приводя профессионалов в еще большее недоумение.

После того как Тэйкли, несмотря на очень хорошие шансы стать президентом, отказался участвовать в выборах, продвигая на этот пост своих протеже, многие политические старожилы с берегов Потомака вполне обоснованно стали считать его серым кардиналом вашингтонской политики.

Во всей дурно пахнувшей мути, клубящейся вокруг Белого дома, не было никого, кто бы не искал его благосклонности. Политики стремились завоевать его расположение, чтобы продвинуться вверх по карьерной лестнице, корпорации – чтобы получить государственные контракты, субсидии или льготы, ученые надеялись на его рекомендации при получении грантов. Ну а банкирам и финансистам с Уолл-Стрит сам бог велел иметь такого влиятельного покровителя, чтобы рассчитывать на поддержку Администрации в случае наступления неизбежно надвигающегося коллапса долларовой системы. Но больше всего ТТ любили генералы, ведь он имел серьезное влияние на внешнюю политику США, а в ее основе все еще лежала защита национальных интересов любыми способами и средствами. При этом выбор способов был довольно велик, а вот основным и самым надежным средством до сих пор оставались вооруженные силы США и безоговорочная готовность их использовать в любой точке мира, если, конечно, это не грозило прямым конфликтом с Россией или Китаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.